

Валерия Воронина
Злая сказка жизни

Валерия Воронина
Злая сказка жизни

«Издательские решения»

Воронина В.

Злая сказка жизни / В. Воронина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749096-6

Любой человек — персонаж в книге жизни. Единственный герой своей маленькой сказки. Нельзя предсказать, как сложится чья-то судьба, как и нельзя однозначно ответить на вопрос, кто ее пишет. Иногда о жизни можно сказать лишь «родился-жил-умер», а иногда она превращается в историю о сложностях и превратностях судьбы, о поступках и мужестве принятия их последствий. Перед вами фантазийная зарисовка судьбы. Где-то злая, где-то забавная, где-то совсем уж сказочная, а где-то весьма похожая на правду.

ISBN 978-5-44-749096-6

© Воронина В.
© Издательские решения

Злая сказка жизни

Валерия Воронина

© Валерия Воронина, 2016

© Михаил Гард, дизайн обложки, 2016

© Михаил Гард, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*– ПРОСТИ, ЧТО ПРЕДАЛА...
– Я НЕ В ОБИДЕ, –
ОН ГРУСТНО УЛЫБНУЛСЯ МНЕ В ОТВЕТ.
– ВЕДЬ СЛОЖНО ТО, ЧТО ЛЮБИШЬ, НЕНАВИДЕТЬ,
ДА И СПАСЕНЬЯ В НЕНАВИСТИ НЕТ.*

*– ВСЕ К ЛУЧШЕМУ, НЕ БОЙСЯ, Я С ТОБОЮ, –
СКАЗАЛ ОН, ЛОВКО ЗАТЯНУВ ПЕТЛЮ.*

*ПАЛАЧ КИВНУЛ БЕЗДУШНОМУ КОНВОЮ,
ПРИВЫЧНО ИСПОЛНЯЯ РОЛЬ СВОЮ.*

*ОН ПОСМОТРЕЛ В ГЛАЗА МНЕ НА ПРОЩАНЬЕ,
А Я ОТВЕТИТЬ ТЕМ ЖЕ НЕ СМОГЛА.
ЛИШЬ ПРОШЕПТАЛА, СЛОВНО ЗАКЛИНАНЬЕ,
ПРОСТИ МЕНЯ, ПРОСТИ, ЧТО ПРЕДАЛА.*

ДЕТОУБИЙЦА

Я не скажу, что это история началась здесь и сейчас. И я не скажу, что она началась в тот вечер. Или что он был каким-то особенным. Тогда мне и в голову не могло прийти, что такое случится. Это сейчас ясно, что очередной поворот моей жизни уже маячил на горизонте, но я еще пребывала в блаженном неведении. Это сейчас. А тогда...

А тогда была жаркая весна. Солнце начало припекать, едва сошел снег. Да так, что еще до начала лета многие с тоской вспоминали об осени. Когда северные ветра завывали в трубах, но не было такого изнуряющего пекла. На столицу славной Вайнеры опустилась ночь, принеся долгожданную прохладу. Торговцы, закрыв свои лавочки, разбрелись по домам или тавернам. Патрули заступили на пост, охраняя покой горожан от возможных напастей. Семьи, закончив

с ужином, начали укладывать детей. В одной из комнат королевского дворца это действие проходило, как всегда, весело.

– Не хочу! Не буду! – под незатихающие вопли ночной горшок полетел в ясеневую дверь.

– Ваше высочество! Как вам не стыдно!

– Не хочу спаааааать! – надрывался чернокудрый курносый малыш, лет пяти. Его уже полчаса как переодели в просторную ночную сорочку, но уложить пока не удавалось. Ребенок носился по комнате, швыряя в нянечку все, что попадалось под руку. Подушки уже давно переселились с огромной кровати на небольшой столик и подоконник. Одна так вообще улетела во двор.

Все игрушки, которые в меня прилетели ранее, я расставила по местам. Но до подушек руки еще не добрались. Принц шел на четвертый круг, и если ничего не предпринять, то бегать нам еще долго. Поэтому дождавшись, когда дите окажется рядом, я ловко ухватила его.

– Ааааа! – притворно заголосил принц. – Больно! Пусти!

И словно в ответ на вопль открылась дверь.

– Что случилось, Лиона? – в комнату вошла статная рыжеволосая женщина в темно-синем облегающем платье. При виде матери ребенок на мгновение замолк, но, оценив плюсы ситуации, забрыкался с удвоенной силой.

Отвесив ее величеству Мире положенный поклон, я отпустила вырывающегося принца и ответила:

– Как всегда, укладываемся.

Ребенок подбежал к матери и, обняв ее, начал ябедничать:

– Лиона злая, она меня обижает!

К счастью, Мира прекрасно знала и меня, и своего сына, да и настроение у нее сегодня было хорошее.

– Ай-яй-яй, как тебе не стыдно наговаривать? – королева провела рукой по кудряшкам. – Пойдем в кроватку, я расскажу тебе сказку.

– Ты тоже злая, – дите отстранилось и легонько ударило кулачком по маминой ноге. Мда. Меня этот ребенок так не баловал. Если уж бил, то со всей силы. – Вы все злые! Не хочу спать! Не буду!

Мира вздохнула и, кивнув мне, обратилась к сыну:

– Может, тогда выпьем теплого молока?

– Сладкого? – тут же улыбнулся принц.

– Сладкого, – мягко ответила ему мать.

– И умываться не будем? – радостно уточнил ребенок.

– И умываться не будем.

Королева, собрав подушки, усадила малыша за стол и села напротив. Я же тихонько вышла из комнаты и, сбегав на кухню, не без боя добыла требуемое. От души поругавшись с кухаркой и, убив на это пятнадцать минут, я принесла два стакана.

Принц, разинув рот, слушал рассказываемую мамой сказку, поэтому мой приход даже не заметил. Как не заметил и выпитое им же молоко. Теперь мне оставалось только ждать, скрестив пальцы. К счастью, мои труды были вознаграждены. Через пять минут ребенок начал клевать носом, и королева жестом отпустила меня, решив уложить сына самостоятельно. Мира взяла малыша на руки, перенесла на кровать и легла рядом. Взглянув на больно резанувшую сердце картину, я все же нашла в себе силы достойно попрощаться.

– Спокойной ночи, ваше величество.

– Добрых снов, Лиона, – шепнула мне Мира и вернулась к рассказу о подвигах доблестного рыцаря.

Я вышла за дверь, радуясь концу ежедневной пытки. И чего это мне самой не пришлось в голову напоить принца молоком с парой внеплановых капель? Ведь столько бы сил и нервов

экономила! Ладно, в другой раз буду умнее. Но стоило мне только подумать, что все кончилось, и начать мечтать о теплой кровати и спокойном сне, как замковый коридор подкинул мне мелкую подлость. Завернув за угол, я буквально нос к носу столкнулась с королем Леонардом. Черные, как у сына, кудри собраны в хвост, на тонких губах – улыбка. Пришлось остановиться и отвесить положенный поклон.

– Уложила? – мягко поинтересовался король.

– Да, – кивнула я, глядя снизу-вверх на величество, и как можно более вежливо уточнила. – Вместе с *Вашей* женой.

– То есть мне придется спать в одиночестве? – король прислонился к косяку и, протянув руку, убрал с моего лица прядку челки.

Усмехнувшись про себя, я отметила, что сегодня обычное издевательство меня почти не задело. То ли умотана до невозможности, то ли, как сказал бы братец, взрослею. Чуть отстранившись, я гордо вскинула голову и ответила:

– На кровати принца еще человек десять поместится. Спокойной ночи! – и весьма достойно поклонившись, ушла прочь.

Удерживать меня, ожидаемо, не стали, но издевательским «добрых снов», настроение ухудшили. Коридоры замка были пусты. Лишь пламя факелов провожало меня, нервно вздрагивая от почти неслышных шагов. Или от стучащих в голове тяжелых мыслей? И зачем я только согласилась на это безумие? Вопрос как всегда, остался без ответа. Вернее, ответ-то я прекрасно знала, но никогда не решалась озвучить. Даже себе. Что ж, прошлого не воротишь. Что сделано, то сделано. Остается лишь вписать его в настоящее и надеяться, что не аукнется в будущем.

Дойдя до комнаты, я выбросила пустой флакон и, переодевшись, легла в кровать. Королевский отпрыск вымотал меня до невозможности, поэтому проблем с собственным укладыванием не было. На то, чтобы провалиться в сон, ушло не больше мгновения. Да и ночь пролетела также быстро. Как всегда, нервно-черная, но без сновидений. Что ж, и то благо.

Проснувшись ясным солнечным утром под щебетание птиц, я с удовольствием повалилась пару минут, а затем резко встала и подошла к окну. Чем дольше лежишь, тем сложнее вставать. А вид давно проснувшихся людей как нельзя лучше пробуждает и готовит к новому дню. По привычке встав сбоку от проема, я чуть отодвинула край шторы и выглянула сквозь щель в окно.

На площади перед дворцом стояло около десяти всадников. Это король со своим отрядом собирался на охоту. На сером жеребце, в черном костюме величество смотрелся весьма мрачно, но, вместе с тем, завораживающе. Рядом с ним на гнедом коне сидел друг и телохранитель короля – рыцарь Эрл. В плечах он был шире величества раза в полтора. Даже просто в рубашке, без доспехов. Несмотря на раннее утро, всадник, как всегда, был весел и беззаботен. Его вид весьма резко контрастировал с вечно хмурым Леонардом. Но вот, чуть повернув голову, Эрл что-то прошептал величеству, и тот воодушевленно поднял взгляд, но у окна уже никого не было.

Королевская охота на вепрей – традиционное ежегодное событие. Огромные серо-коричневые животные с вздыбленной на загривке шерстью и острыми бивнями были настоящим бедствием. Каждую весну они дурели от своих брачных игр. Отверженные самцы, злые и обиженные, шли мстить. Но не своим более сильным собратьям, а жившим в прилесных деревьях людям, которые по вечерам боялись выйти за околицу. И это было понятно: в голых ветвях кустов постоянно мелькали горящие злобой красные огоньки. Каждую весну люди ждали помощи, зная, что она обязательно придет. Без напоминания, без просьб. Леонард заботился о своих подданных. Каждый год его отряд методично прочесывал лес, выслеживая, загоняя и убивая обезумевших зверей. Только в начале лета король с рыцарями возвращались в замок.

Полюбовавшись из-за шторы на толпу красивых мужчин, я, в приподнятом настроении, пошла исполнять свои обязанности. А были они весьма нехитры. Приготовить завтрак принцу, сводить его на прогулку, снова покормить, уложить, поиграть, погулять, покормить, помыть, уложить. Дни были настолько однообразны, что я совершенно потеряла счет времени. Сколько лет уже прошло? Два, что ли, года или больше?

Замок между тем давно проснулся. Ведь кто-то же должен был собрать короля в дорогу. По коридорам носились слуги, входя в ежедневный ритм беготни, ругани и просто дружеских перебранок. Кто-то уже успел разлить воду, а кто-то даже затеять потасовку из-за разбитых по неосторожности тарелок. Аккуратно пройдя вдоль стенки, чтоб не столкнуться с чрезмерно ретивой прислугой, я дошла до кухни. Там было жарко. Поварята у раковины брэнчали посудой, а необъятная кухарка что-то мешала в кастрюле на плите. Темная кожа и черные пряди, выбивающиеся из-под чепца, выдавали в ней коренную приморку. Ходили слухи, что ее когда-то подарили королю Деодану, чтобы замять какой-то дипломатический скандал. Но насколько это было правдой – неизвестно.

– Доброе утро! – я как обычно мило улыбнулась.

– Косу бы хоть убрала! – привычно огрызнулась Рита, не отрываясь от своего занятия. – Разве что пол ей еще не подметаешь!

Я послушно закрутила свисающую до пояса косу на затылке и еще раз улыбнулась. На кухне хозяйка должна быть одна. И даже то, что нянька отправлена сюда личным королевским указом, дела не меняет. Но в принципе, пусть ругается: работать дает и ладно.

Взяв плошку, я налила в нее молока, насыпала крупы и незаметно добавила пару капель из флакона. Нечего давать повод для сплетен. Хотя, их вокруг моей персоны и так уже было много. Красочных, ярких и местами правдивых. А в общем, отношение ко мне давно находилось на уровне всеобщей терпимости. Меня это нисколько не угнетало: пусть терпели мое присутствие со сжатыми зубами, но главное, молча. Пока мне не мешают жить, я тоже никого не трогаю. А любая работа как тот омут: пара чертей да найдется. Правда, этот водоем рога-тыми был явно перенаселен. Десятки, если не сотни, во главе с весьма капризным и злобным бесенком. Хотя в моей жизни бывало и хуже. Так что грех жаловаться.

Через несколько минут с плошкой каши в одной руке и стаканом горячего чая в другой, я поднималась по широкой мраморной лестнице, морально готовясь к новому трудному дню. Обычно с детьми у меня никаких проблем не было. Я любила их, они любили меня, или, по крайней мере, относились нейтрально. Принц же, казалось, ненавидел всей душой. От отца, что ли, унаследовал? Во всех его капризах и выходках чувствовалась злоба. Иногда ребенок настолько выходил за рамки, что хотелось просто прибить его. Лишь король имел над ним власть. Стоило отцу грозно посмотреть на сына, как тот сразу стихал. Причем, с родителями чадо было самым очарованием. Мне же катастрофически не везло. Видимо, на эту работу величество устроил меня еще и в наказание. Конечно, есть за что. Но не до такой же степени! Хорошо, что есть мои зелья. Без них было бы совсем туго.

На втором этаже меня встретил истошный визг, доносившийся из комнаты принца. Видимо, маленькое чудовище решило напугать свою няню, но вместо этого перепугало зашедшую к нему мать. Ускорив шаг, я поспешила выяснить, что же этот гаденыш устроил. Ох, и влетит сейчас кому-то!

Увиденное в комнате, красноречиво говорило: шутка удалась на славу. Королева стояла на коленях около кровати, с застывшей маской ужаса на лице. И это было вполне понятно: стоило мне посмотреть на принца, как я сама чуть не завизжала. Чего мне только не приходилось видеть, но такого... Мертвенная бледность, широко раскрытые глаза и зеленая пена на бескровных губах поистине выглядели жутко. Медленно, словно через силу, повернув голову, Мира посмотрела на меня и дрожащим голосом прошипела:

– Змея! Тварь!

Затем ее голос сорвался на крик:

– Стража!!! Стража!!!

Безумное пламя гнева в ее глазах живо вывело меня из ступора. И дожидаться дальнейшего развития событий я не стала. Тем более что первая пара стражников была уже тут. Поприветствовав подбежавших чаем и кашей, я развернулась и ринулась к лестнице. В сознании очень четко маячило видение столба с обгоревшим трупом. Не хотелось бы побывать на его месте в реальности. А судя по взгляду королевы, именно это мне и светит. Причем, без суда и следствия. Даже пискнуть не дадут.

Прикинув, что до комнаты добраться не успею, я побежала прямо на конюшню. Благо туда паника еще не дошла. Соврав, что мне срочно нужно на рынок, я схватила первого попавшегося скакуна и направила его к замковым воротам. В тот момент, когда до них оставалось всего ничего, на крыльцо выскочил начальник охраны и заорал что-то стражникам. Тяжелая решетка со скрипом поползла вниз, а отважные солдаты преградили мне путь. Эх, а так не хотелось по-плохому. Но ведьма я, али не ведьма?

Мановение руки разметало людишек, как щепки, освободив путь. Опускающаяся решетка царапнула рубашку, но остановить меня уже не могла. В глазах темнело от слишком большого расхода силы, но, к счастью, мне удалось удержаться в сознании.

Галопом проскакав по городу, конь выехал за его пределы и лишь в лесу я позволила скакуну перейти на шаг. А заодно и смогла начать думать. Вот и конец моей тихой, счастливой жизни. В течение часа весть о том, что няня отравила принца, разнесется по городу. Узнают, что беглянка выехала через южные ворота. Затем близлежащий лес прочешут, а на столбах расклеят мой портрет с указанием награды. Я убила всеми обожаемого принца, поэтому они не успокоятся, пока не найдут меня. Конечно, можно сбежать в Майрон. Это враждебное королевство мне еще и приплатит за работу. Можно, если бы не одно но...

Тут мои размышления грубо прервали. Выскочивший перед мордой коня детина со здоровенным дубьем, перепугал животное. Истошно заржав, конь сбросил зазевавшуюся наездницу и ускакал прочь. Выпав из седла, я на пару секунд зависла в воздухе в каких-то миллиметрах от земли, а затем плавно опустилась на нее. Заклинание левитации сработало само собой, но никто этого, скорее всего, не заметил. Не торопясь встать, я оглядела стихийное бедствие, оставившее меня без лошади, и уважительно присвистнула. Размерами мужик не уступал тому же жеребцу. В толщине шеи – так точно. Перебитый нос, грязные штаны, порванная рубаха, да и прочие детали как бы намекали на профессию. Жаль, что я стихийник. Если бы умела управлять разумом, можно было разжиться неплохим телохранителем. А так придется вульгарно закинуть дяденьку на ближайшую сосну. Однако вышедшие на дорогу пять похожих лбов мои планы скорректировали. Двое встали позади меня, по одному – по бокам и двое – спереди.

– Мадам, это мой лес! – раздался мелодичный голос откуда-то сверху.

Подняв глаза, я увидела высокого крепкого юношу в темно-зеленом охотничьем костюме. Остроконечные уши и миндалевидные глаза говорили об эльфийском происхождении. Но иссиня-черные волосы и телосложение были явно человеческими. Мужчина стоял на толстой ветке, небрежно прислонившись к стволу и поигрывая амулетом. Эх, теперь не удастся прикинуться заблудившейся девицей. Эльфы магию носом чувт!

– С кем имею честь? – все-таки поднявшись, я обратилась к говорившему.

Полуэльф легко спрыгнул на тропинку передо мной и изящно поклонился:

– Ворон в Тени, к вашим услугам.

В ответ я лишь насмешливо фыркнула. Экзотические прозвища тружеников ночи порой доходили до маразма.

– Чего же ты хочешь, птица? – поинтересовалась я, скрестив руки на груди и незаметно шевеля пальцами. Догадка оказалась верной: хороший у него амулетик, но для стихийника не помеха.

Ничего не подозревающий полуэльф между тем ответил:

– Стандартную плату за проезд. Три золотых с тебя и четыре с лошади.

– А иначе что? – спокойно уточнила я.

– Отведем в лагерь, и заплатишь натурой, – невежливо вклинился в нашу беседу один из бандитов. Остальные загоготали.

Окончание фразы не произвело на меня никакого впечатления, а вот ее начало очень даже заинтересовало. Недолго думая, я пожала плечами:

– Согласна.

– На что? – спросил Ворон.

– На лагерь, – обрадовалась я бандитов. – Без лошади все равно далеко не уйду, а в лесу опасно – звери всякие. С вами оно надежнее.

Мужчины переглянулись. Похоже, такая перспектива в их планы не вписывалась. Они-то, небось, надеялись просто запугать ведьму, вытрясая из нее всю наличность. Амулет в руке главаря не давал управлять разумом и даже блокировал мне все Стихии, кроме родной. Возможно, если бы наша печать стояла на лбу, народ был бы более осторожным. Но крест, скрытый рукавом рубашки, не был виден, так что не мудрено, что даже полуэльф поддался заблуждению. Обычно стихийники ходили в полном облачении или, как минимум, с мечом. Меня же приняли за ведьму, развлекающуюся шалостями с разумом. Такие обычно оружием не владеют, полностью полагаясь на свою силу убеждения. Хотя и в лес выбираются редко, зато зарабатывают такие дамы ай-яй сколько. Так как я была в дорогой одежде от личного портного его величества, обманчивый эффект усиливался.

Поразмыслив несколько секунд, главарь кивнул одному из бандитов, и тот достал веревку. Похоже, решил, что от сказанного отказываться неудобно. Не дураками же себя выставлять, извинившись и вернувшись в кусты. Или банально прикинул, что моя смерть затрат не стоит, а насильничать на дороге неудобно. Связав руки и нацепив амулет мне на шею, Ворон галантно указал путь, а один из бандитов невежливо пихнул в спину. Ладно, сбежать я всегда успею. Все равно лучше для меня пока где-нибудь затаиться. Эти ребята от власти годами бегают. Авось как-нибудь договоримся. Не миром, так боем. В конце концов, не настолько я еще раскисла, чтоб какая-то жалкая банда разложила мое тело звездочкой.

Заклучив меня в кольцо, бандитская шайка свернула с дороги и вломилась в шипастые кусты. К счастью, из-за плотной охраны хлесткие ветки до меня не добирались, а то могла бы себя случайно выдать, не дав им порвать рубашку. Изобразив полную покорность судьбе, я опустила голову, отрешенно осматривая еще не покрывшуюся травой землю. Привычно копошащиеся в ней букашки вызвали обидную зависть: мне тоже хотелось, чтобы этот день был полон обычных забот. Когда-то проклинаемых, а теперь же – страстно желаемых. Но, увы, не всегда мы можем выбирать условия игры. Иногда приходится принимать навязываемые правила.

Когда мы немного побродили по лесу, как я поняла, для заметания следов, Ворон достал из кармана вполне чистый платок и завязал мне глаза. Затем, взяв под руку, лично повел, предупреждая о сучьях и кочках. Я честно сделала вид, что ничего не вижу. И даже пару раз споткнулась, для виду. Однако это был не более чем дешевый спектакль: в отсутствии обычного зрения голос Стихии слышался лучше. Кроме того, обострился слух. Даже не видя, я знала, что слева от нас за пеньком притаился зверек. Скорее всего, какой-нибудь мышь с остренькими зубками и умильными черными глазками. Беззащитный с виду, но для кого-то весьма опасный. Он терпеливо ждал, когда минует опасность, чтобы продолжить свой путь. Затаился, притих.

До места мы добрались где-то через полчаса, ни разу не нарушив молчания. Едва шайка остановилась, Стихия по-дружески сообщила мне, что разбойничий лагерь располагался в хол-

мах, в глубине леса, и был снабжен надежным укрытием от магического поиска. Последнее обстоятельство меня насторожило: откуда у разбойников маг такого уровня? Эх, как бы не появилось неожиданных проблем.

Я почувствовала, как меня подвели к склону, и как он открылся, выпустив наружу запах гари и жареного мяса. Все также полувежливо меня впахнули внутрь, и едва вход за нами запечатался, сняли повязку.

Огромный зал освещался светом нескольких костров, у каждого из которых сидели разбойники. Правда, менее колоритные. Тут были и худые подростки, и старики, и калеки, и женщины разных возрастов. На нас они смотрели с любопытством. В основном, конечно, на меня.

Через пару минут созерцания от одного из костров поднялась толстая тетка в весьма чистом серо-коричневом платье. Она вразвалочку подошла к Ворону и, ткнув в меня грязным пальцем, спросила:

– С одежкой на продажу, или отдельно?

Зачем-то придвинув меня к себе, полуэльф улыбнулся, если не сказать, оскалился.

– Это не товар. Просто решил сэкономить на путанах, – Ворон развязно шлепнул меня по заднице и обратился ко всем. – Запомните хорошенько – это моя женщина. На нее имею права только я. Хотя, если она меня не устроит, так и быть, отдам вам.

Даже так?.. Жалко руки связаны. Не хотелось раскрываться раньше времени, а пощечина меня вполне бы удовлетворила. Но, увы, пришлось молча скрипеть зубами. Ворон же под общее улюлюканье утянул меня вглубь зала и втолкнул в одно из ответвлений. При ближайшем рассмотрении оно оказалось небольшой пещеркой, снабженной дверью, весьма широким лежаком, а также столом и стулом. Кроме того, в углу наблюдалась гора одежды.

Едва мне развязали руки, как я исполнила свое желание. Вернее попыталась, но испортившаяся с годами реакция подвела. Меня перехватили за кисть и вывернули руку, заставив согнуться.

– Сделаешь такое прилюдно, и мне придется тебя ударить. Сильно и больно, – беззлобно, но твердо сказал полуэльф. – Понятно?

Вспомнив, что мне выгоднее быть паинькой, я пробурчала:

– Понятно.

– Подбери себе что-то из одежды, – отпустив меня, Ворон указал на угол. – Костюм твой придется продать.

– С какой это радости? – чисто из вредности спросила я.

– Потому что просто женщину мне еще простят, – вздохнул хозяин пещеры, отходя к столу. – А вот женщину в безобразно дорогой тряпке вряд ли.

Я усмехнулась, поняв ситуацию и роли. Похоже, мне в кои-то веки повезло. И только для продолжения светской беседы поинтересовалась:

– Бунт назревает?

– Нет, но не хотелось бы лишний раз давать повод. Недовольные есть всегда.

Ничего не ответив, я направилась к тряпкам в углу. Одежда оказалась сугубо мужской, но главное, чистой. К такому мне было не привыкать: в детстве часто приходилось за братом донашивать. Подобрав штаны и просторную рубашку с поясом, я выжидающе уставилась на полуэльфа. В гляделки мы играли около минуты. Но, наконец, до Ворона дошло, чего от него хотят. Однако выходить из комнаты он не стал, а просто отвернулся. Что ж, и на том спасибо. Быстренько переодевшись и сложив свой костюм, я положила на него сверху амулет и сказала:

– Готово.

Ворон обернулся и укоризненно покачал головой:

– Хочешь жить здесь, амулет не снимать.

С этими словами он подошел ко мне, достал из кучи одежды ошейник и закрепил на нем скрепленную между собой четверку красных и синих кристаллов. Поняв, что полуэльф не шутит, я саркастически уточнила:

– А намордника не прилагается?

– Понадобится – найду, – с этими словами он нацепил ремешок мне на шею и застегнул пряжку. – В комнате можешь ходить, как хочешь, но за ее пределы без амулета – ни шагу. Прибьют на месте.

Сказав это, Ворон взял мою одежду и вышел, не дав мне сказать ни слова. От нечего делать, я внимательнее оглядела интерьер. На столе лежали какие-то исписанные листки, а над ним обнаружилась не замеченная ранее полка с книгами. Причем, произведения на ней были весьма серьезными. Одно я даже из любопытства стянула посмотреть, по привычке усевшись на столе.

Хозяин комнаты вернулся минут через пять, отобрал книгу и поставил меня на ноги, строго наказав:

– На столе не сидеть. Мои вещи без разрешения не брать.

Претензии были справедливыми, вот только я, как и брат, не любила их в принципе. Видимо, семейная черта. Усилием воли наступив себе на горло, я глубоко вздохнула. Ладно, нужно пережить всего пару-тройку недель. А потом все равно придется вернуться во дворец. Принц мертв, но король жив. Ворон между тем, кивнув на лежанку, оседлал стул. Дождавшись, когда я сяду, он велел:

– Рассказывай, что натворила?

Состроив донельзя невинные глазки, я поинтересовалась:

– С чего ты так решил?

Усмехнувшись, он ответил:

– Порядочные граждане от разбойников шарахаются, а не бегут к ним с распростертыми объятьями. Кстати, твою лошадь тоже изловили. Пойдет на нужды общины.

– Замечательно, очень рада, – проворчала я, отводя глаза.

– Так что ты сделала? – не отставал полуэльф. – С зельем напортила или на запрещенных приемах попала?

– Первое, – со вздохом ответила я, почти не соврав. Все равно отмолчаться не удастся.

Полуэльф уточнил:

– Какого-нибудь высокородного жлоба траванула?

Мда, вот и как тут отвечать? Не придумав ничего лучшего, я отделалась неопределенным пожатием плеч и полукивком головы. Расценив это как положительный ответ, Ворон зло стиснул кулаки:

– Таких не жалко. Сам бы удавил всех до единого.

В его словах было столько ненависти, что мне стало как-то не по себе.

– Что ж, – продолжил между тем хозяин комнаты. – Ты можешь остаться с нами. Только пока народ тебя не примет, как равную, запомни несколько правил. Не ходи одна в лес или дальние закоулки нашего дома. Не обижай и не обманывай ближних. То, что я объявил тебя своей, гарантирует лишь, что не тронут сразу. Но если дашь повод, пеняй на себя.

Что-то неправильное было в словах главаря разбойничьей шайки. И, даже усомнившись в последнем, я поинтересовалась:

– Кто ты для них?

– Идеальный вдохновитель, утешитель, защитник, злейший враг. Для кого как, – улыбнулся Ворон. – Кстати, раз ты моя женщина, тебе придется обслуживать меня не только ночью. Надеюсь, готовить ты умеешь?

– Нет, – соврала я.

– Придется научиться, не то отдам народу.

Я честно попробовала испугаться, но мягкий взгляд карих глаз зарубил попытку на корню. И даже заставил чуть ли не рассмеяться:

– Не верю.

– Проверь, – пожал плечами полуэльф и поднялся. – Пойдем, познакомлю тебя с Тирой. Она расскажет о твоих обязанностях и покажет, что где.

За неимением других вариантов, я поднялась и вышла следом за хозяином комнаты. В пещере было уже не таклюдно, и пока Ворон вел меня в дальнюю ее часть, я смогла рассмотреть обитателей пристальнее. В основном, здесь были старики или калеки. Кто-то курил, кто-то ел, а кто-то полулежал, прислонившись к стене. Ни подростков, ни женщин, ни мужчин средних лет уже видно не было. Похоже, меня привели аккуратно в разгар завтрака, и сейчас, когда он закончился, все разбрелись по своим делам. У кого они были.

У дальней стены пещеры за огромным сталагмитом прятался проход куда-то вглубь. Стены его обросли серым светящимся мхом, поэтому в освещении он не нуждался. Пройдя по подземному коридору, мы вышли в еще один зал. У его дальней стены растекалось кристально чистое озеро, а скорее даже небольшая часть подземной реки. Ибо при пристальном рассмотрении было видно ее течение. На берегу женщины мыли посуду, оставшуюся после завтрака. Пробежав взглядом по работающим, Ворон нашел Тиру и окрикнул ее. Оказывается, это была та самая необъятная мадам. Сдав меня в ее огромные руки, Ворон ушел.

Оглядев меня с ног до головы, толстуха хмыкнула и, махнув рукой, неспешно двинулась к выходу в основную пещеру.

– Значит так, – начала инструктаж Тира, вытирая руки о серый штопаный передник. – У нас в семье строгий порядок: мужчины добывают деньги, еду и защищают нас. Женщины готовят, убирают, стирают, а также создают им все прочие условия для нормальной жизни. Живем мы дружно, на условиях взаимопомощи, поэтому если тебе что-то нужно, ты должна дать что-то взамен. Для своего мужчины ты должна вовремя готовить еду и мыть посуду: завтрак обед и ужин у нас строго по расписанию. За этим я слежу внимательно. Все остальное – на усмотрение Ворона.

Хоть я никогда не любила слово «должна», от комментариев воздержалась, послушно кивая головой. Правда, это было не обязательно: Тира на мою реакцию не смотрела, самозабвенно вещая в пространство. Она шла вперед, не поворачивая головы, как будто меня и не было рядом. Однако когда мы вышли из светящегося коридора в основную пещеру, монолог стал сопровождаться жестами:

– По нужде – вон туда, – женщина махнула рукой в направлении еще одного не замеченного мной ответвления. – Готовить будешь вот у этого костра, – жирный палец ткнулся в ближайшее к комнате Ворона кострище. – Плошки и продукты можно получить вон там, – кивок в сторону еще одного коридора. Надо же, как ловко он скрывался за грудой камней. Если бы мне не показали, ни за что бы не увидела.

Остановившись, я пристальнее оглядела пещеру, надеясь самостоятельно заметить еще какие-нибудь проходы. Из-за висящего на шее амулета Земля мне не отзывалась, поэтому у нее помощи просить было бесполезно. Когда же я собственными силами разглядела еще два необозначенных прохода, на меня наконец-то обратили внимание. Дернув отвлекшуюся слушальницу за рукав, Тира весьма сердито спросила:

– Ты меня поняла?

– Да, – не задумываясь, ответила я, решив, что потом разберусь, о чем именно спрашивали.

Но Тира в это, к счастью, не поверила. Сурово сдвинув брови, женщина сказала:

– На всякий случай, повторяю еще раз. С едой у нас строго. Готовишь на Ворона, потом доедаешь, что останется. Если узнаю, что воруеть или хитришь – пеняй на себя. Поняла?

Хм, видимо, фраза «пеняй на себя» тут была весьма популярна, ибо меньше чем за полчаса мне пришлось услышать ее дважды. Выяснить бы, что скрывается под этой туманной формулировкой. Причем, лучше заранее, а не постфактум. Однако весьма раздраженный вид толстухи к расспросам не располагал. Поэтому я, премило улыбнувшись, заверила, что мне все ясно. Удовлетворившись этим, Тира вновь кивнула в сторону прохода к площадкам:

– Хорошо, тогда иди, готовь обед. Ворон вернется через несколько часов.

Оставив меня с этой информацией наедине, женщина развернулась и направилась обратно к озеру. Я же двинулась в обозначенном направлении. Что ж, похоже, жизнь частично вернулась на круги своя. У меня вновь появился обслуживаемый подопечный. Только с этим ни гулять, ни играть не надо было – сам справлялся. А с ночью вопрос решаемый. Кровно или без.

Еще один светящийся коридор вывел меня к массивной дубовой двери. Около нее на рогоже сидел одноглазый мужичок, выгачивая из чурки ложку. Из-за невысокого роста и ярко-красной бороды его можно было спутать с гномом, но отсутствие волос на голове, говорило о человеческой примеси. Еще один полукровка. Черные брюки и серая от пыли рубашка были в нескольких местах весьма неаккуратно заштопаны. Похоже, к труду женщин тут особые претензии не предъявлялись. И это мне вполне понравилось.

– Чего надо? – спросил полугном, оторвавшись от работы.

Похоже, представляться не требовалось, раз весьма бесцеремонно перешли сразу к делу. Оценив тон и вспомнив слышанные ранее реплики, я попыталась подстроиться под их стиль, развязно ляпнув:

– Обед вашему вождю сварганить.

Однако результат оказался далек от ожидаемого. Мужичок с неожиданным проворством подскочил ко мне и, уронив на землю, приставил к горлу невесть откуда взявшийся нож.

– Побольше уважения! – прошипел он. – Не нарывайся! Ворона здесь все любят.

Мда, видел бы это братец, засмеял бы до смерти. Хотя такое поведение как нельзя лучше создает видимость беспомощности и бестолковости. Вот только самой бы еще помнить, что это лишь видимость. Подавив в себе желание исправить ситуацию силой, я осторожно поинтересовалась:

– Так уж и все?

– Большинство, – поправился собеседник.

Смирненно опустив глаза, я заговорила по—другому:

– Мне все ясно. Дайте продукты и посуду. Пожалуйста.

Удовлетворившись воспитательным эффектом, полугном убрал нож и, подойдя к двери, заскрипел в ней отстегнутыми от пояса ключами.

За дверью оказалась весьма просторная пещера, заставленная сундуками, бочками и рядами стеллажей высотой до самого потолка. Велев мне ждать у стола, стоящего у входа, полугном ушел вглубь своих владений. Через пару минут мне выдали кусочек мяса, три картофелины, морковку, луковицу и котелок. Кроме того снабдили стандартным обеденным набором посуды аж на два лица. Хотя, на мой взгляд, тут и одному ребенку не хватило бы. Оглядев все это скудное великолепие, я укоризненно покачала головой:

– А еще говорите, что любите своего Ворона. Как он не помер еще с голоду на таких харчах?

– Не тебе об этом рассуждать, – насупился полугном. – У нас паек для всех равный!

Угу, только мне тоже кушать хочется. Эльфы, конечно, существа волшебные, но Ворон все-таки полуэльф. Поэтому как-то не верилось, что с этого обеда мне что-то перепадет, кроме грязной тарелки. Да и не привыкла я уповать на чью-то милость, а мое самоуважение было не на том уровне, чтобы выпрашивать еду или питаться объедками. И даже туманное «пеняй на себя» меня не пугало, ибо с таким пайком через пару дней пенять будет не на кого.

Кроме того, риск всегда был благородным делом. Так что за дальнейшие события совесть меня нисколько не мучила.

Незаметный пасс, уронивший на пол стопку тарелок с дальней полки, отвлек полугнома, заставив кинуться на шум. А я спокойно слевитировала лежащие недалеко хлеб и колбасу. Вряд ли хозяин помнит, что они там были: рядом лежало еще по дюжине таких же батонов. Сложив овощи на тарелки и поставив их на котелок, мне без проблем удалось спрятать украденное. Так что склад я покинула в весьма приподнятом настроении, даже дождавшись полугнома и выслушав его злобные жалобы на крыс.

Подойдя к назначенному мне костру, я с досадой обнаружила, что там очередь. Однако меня узнали и уступили место. Похоже, вождя тут действительно уважали. Или, по крайней мере, боялись. Хотя может ли одно быть без другого?

Задумавшись, я приготовила привычный суп-пюре, покрошив все предельно мелко. Зато блюдо стало казаться в разы сытнее. Отнеся готовый суп в комнату, я решила лишний раз не высовываться и, стянув с полки понравившуюся ранее книгу, устроилась на лежанке. Возможность почитать среди дня была давно забытой радостью. Обычно от рассвета до заката мне приходилось крутиться что той белке. Так что, возможно, все не так уж и плохо? Если, конечно, забыть причину происходящего. Когда я дошла до самого интересного места, и почти поверженный дракон уже готов был открыть все секреты мироздания, вернулся Ворон. Отобрав у меня книгу, он вернул ее на полку и велел:

– Чтоб через десять минут был обед! Не то отдам народу!

Я честно попыталась испугаться. И снова тщетно: ну не чувствовалось в его словах и тени угрозы. Хотя люди такой тон должны были воспринимать без проблем. Увы, голос Стихии мне упрямо твердил: врет. Забавно, но ни с братом, ни с величеством такого никогда не было. Там Воздух всегда молчал, а тут так и подначивал повредничать. Все же, не став злить уставшего полуэльфа, я поднялась и направилась к столу, попутно заметив:

– У тебя паутина в волосах.

– Поэтому и говорю: через десять минут, – пробурчал в ответ Ворон, доставая из груды одежды полотенце.

Как только он покинул комнату, я принялась накрывать на стол. К этому времени суп успел остыть, но идти к костру мне было лень. Поэтому затворив плотнее дверь, я сняла ошейник и, достав заранее примеченное огниво, разожгла в ладонях пламя. Чтобы подогреть котелок, мне потребовалось не больше минуты. Убедившись, что суп достиг нужной температуры, я погасила пламя и порезала хлеб с колбасой. Но не все, а лишь половину. Судя по виду, полуэльф был жутко голодный, так что мог обо мне и не вспомнить. Раньше времени нарываться и ссориться из-за куска хлеба не хотелось, поэтому я решила пока оставить инициативу хозяину. Посмотрим, что будет. Так как второго стула в комнате не предполагалось, я села обратно на лежак.

Умытый полуэльф пришел минут через пятнадцать. Однако, посмотрев на меня, вышел и вернулся с дубовым чурбаком. Поставив его рядом со столом, он пересел на импровизированную табуретку. Затем, подвинув ближе обе тарелки, самостоятельно взялся за половник. Не став ждать официального приглашения, я пересела на стул. Что ж, галантность – это хорошо.

Едва первый половник варева оказался в тарелке, я умилилась озадаченной физиономии Ворона.

– Это что? – недоверчиво спросил он.

– Суп, – еле сдерживая улыбку, ответила я.

Все же dokonчив разливать, полуэльф отложил половник и взялся за ложку. Зачерпнув вполне густую массу из тарелки, он подозрительно принюхался, но все же попробовал. С третьей ложки даже вошел во вкус. Когда Ворон чуть ли не вылизал котелок и изничтожил все

бутерброды, я вздохнула и, достав заначку, нарезала еще. Мне съеденной тарелки и пары бутербродов оказалось вполне достаточно, а он все же мужчина. И кстати, весьма немелкий. Интересно, полугном меня проверял, или Ворон все же кроме пайка как-то докармливался самостоятельно? Похоже, мне снова предстояли подковерные игры с рогатыми жителями этого омута. Эх, терпеть не могу обживаться на новом месте! И главное, как только освоишься, как что-то случается. И все приходится делать заново.

Наевшись, полуэльф довольно растянулся на лежаке и вместо «спасибо» выдал:

– Эх, как это я раньше не додумался себе женщину завести?

Сдержав колкость при себе, я сгребла посуду и пошла ее мыть. Похоже, одна угроза «пенять на себя» надо мной уже нависла, так что не хотелось обзавестись второй.

Около озера уже собирались женщины. Специально приткнувшись между Тирой и еще кем-то, я зачерпнула горсть песка и принялась тереть тарелку, всем видом выражая усредие. Но похоже, тут так было не принято. На меня посмотрели, как на сумасшедшую, правда, приставать не стали. Украдкой понаблюдав за остальными, я пришла в тихий ужас. Тарелки ими всего лишь споласкивались и только. Особенно животрепещуще это смотрелось в покрытых болячками руках одной тощей мадам в грязном переднике. Прикинув масштабы бедствия, я решила нашу с Вороном посуду заныкать в комнате. Ибо только свое прятать будет подозрительно.

К моему возвращению хозяин уснул, трогательно положив кулак под щеку. По привычке накрыв спящего одеялом, я тяжело опустилась на стул. Умильный пейзаж напомнил мне малыша принца. Не ту безжизненную куклу на белой простыне, а живого непоседливого мальчика. Капризного, жестокого, но, все же, ребенка. Вспомнилось, как Мира играла с ним в догонялки в саду. Возник в памяти переливчатый смех, звучащий, когда отец катал малыша на шее или подкидывал вверх. Эх, величество, зря ты меня на работу взял. Закусив ладонь, чтобы не было слышно всхлипов, я тихонько заплакала.

От слез всегда становится легче. Вода смоем горечь, затушит пламя боли. Мертвые угли раскидает ветер, а след от кострища скроет земля. И скоро ничто не напомнит о его существовании. Я делала это не один раз. И сделаю снова. Надо уметь отпускать прошлое.

Получив нужную разрядку и немного успокоившись, я пошла к озеру, умыться. Высыхающие соленые слезы неприятно стягивали кожу. Да, вода воде рознь.

К моему удивлению, у озера почти никого не было. Как и в основной пещере. Похоже, у разбойников был тихий послеобеденный час, ибо из всех обитателей лагеря мне встретился лишь краснобородый полугном. Сидя на берегу, он мыл посуду. Заметив меня, кладовщик подвинулся, хотя необходимости в этом не было.

– Что, отъездил тебя Ворон? – хитро усмехнулся полугном, глядя в мои заплаканные глаза. – Но лучше он, чем та компания.

Проследив взглядом за направлением кивка, я увидела не замеченных ранее, но знакомых мне мордovorотов, развалившихся у одной из стенок озерной пещеры. Причем, один из них нагло на меня пялился, облизывая жирные пальцы. Остальные дрыхли среди объедков и грязной посуды. Похоже, ее им предстояло мыть самостоятельно. Интересно, по какому все же принципу тут организуется хозяйство? Или у них есть такое понятие, как право на женщину?

Додумать мысль мне не дали. Закончив с посудой, полугном поднялся и, посмотрев мне в глаза, спросил:

– Кстати, Ворон в курсе, что ты у меня хлеб с колбасой сперла?

– Он съел, не спрашивая, – честно ответила я.

Оценивающе посверлив меня бирюзовыми глазами, полугном сурово произнес:

– Смотри, узнаю, что для себя таскаешь, накажу. Воров община не любит – у своих не крадут, – и усмехнувшись, вполне мирно продолжил. – А так ловко ты ситуацией воспользовалась.

Я даже готов был подумать, что сама подстроила, но Ворон заверил, что амулет надежный. Меня, кстати, Рой зовут.

Проигнорировав предложение знакомства, я задала весьма закономерный и более интересный вопрос:

– То есть для Ворона мне воровать можно?

– Ты его женщина и вправе делать все для того, чтобы ему было хорошо. Но только ему, а на себе.

Занятная философия. Надо будет осмыслить на досуге. Не попрощавшись, Рой между тем двинулся прочь. Я же, наскоро умывшись, догнала его. Ибо раздевающий взгляд мордороты стал уже напрягать.

Возвращаться в комнату мне не хотелось, как и без дела слоняться по пещере. Тем более, тоска по Воздуху стала весьма ощутимой. Поэтому едва мы вышли в основной зал, я спросила у полугнома:

– Рой, а как в лес можно выйти? Душноовато тут.

Удивленно посмотрев на меня, он спросил:

– Тира тебя не научила? Пошли, покажу.

Оказалось, что магическую защиту от поиска обеспечивал амулет. Нажав на еле заметный камень в стене, полугном открыл небольшой проход и, выйдя вместе со мной, показал, как открыть вход с другой стороны. Затем, удостоверившись, что мне все понятно, ушел.

Присев на мшистый камень прямо у входа, я с наслаждением вдохнула лесной воздух. В городе сейчас, наверняка, жарко. Но тут послеполуденный зной не чувствуется. Щебечут птицы, летают бабочки. Тиха и безмятежна лесная жизнь. Я закрыла глаза и мысленно растворилась в природе, общаясь со своей любимой Стихией. Легкий ветерок взъерошил челку и нежно пробежал по щекам. В такие моменты мне всегда начинает казаться, что все будет хорошо. И я полностью отдаюсь этому чувству тихой безмятежной тишины, царящей в душе.

Блаженство длилось долго, но, увы, не вечно. Шуршание открывающегося прохода вдребезги разбило зыбкое счастье. Обернувшись на звук, я увидела давешнего детину. Он все также облизывал жирные пальцы. Ну почему так всегда: только подумаешь, что, наконец, все хорошо, как жизнь выкидывает подлянку?

– Тебе Ворон не говорил, что нельзя ходить в лес одной? – пробасил бандит.

– Говорил, – пожалала я плечами.

– Тут водятся древни. Смотри, утащат под землю.

– Спасибо, буду иметь в виду, – поблагодарила я за заботу, прикидывая дальнейшие намеренья субъекта.

В отличие от него, древни меня совершенно не беспокоили. Но не говорить же, что эти мелкие полудухи леса стихийников чувят издали и обходят стороной. Детина же продолжал пялиться, не спеша, впрочем, ничего делать. Я тоже молчала, делая вид, что безмерно увлечена полетом бабочки. Сама же следила за типом краем глаза. Похоже, что-то решив, он открыл, было, рот, но шуршание за спиной заставило его замолкнуть.

– Ты что тут одна делаешь? – спросил Ворон, присоединяясь к нашей теплой компании.

– Я не одна, я с ним, – мой кивок явно озадачил бандита, но возражать он не стал. Более того, под холодным взглядом полуэльфа поспешил ретироваться.

Едва мы остались одни, Ворон заметил:

– С Петером я бы на твоём месте не ходил. Если ему стрельнет, на мой запрет может и наплевать.

– Спасибо, учту, – серьезно ответила я.

Ворон украдкой зевнул в кулак и сонно потер глаза. Видимо, только встал.

– Во сколько нужно ужин сделать? – спросила я, вспомнив о своих обязанностях.

– Сегодня оленей будут жарить, – ответил он, застегивая крутку. – Так что можешь расслабиться. Кстати, спасибо за суп. Для не умеющей готовить очень даже неплохо. Как тебе удалось у Роя колбасу выпросить?

– Для тебя ему не жалко, – слушавила я.

– Не хочешь прогуляться? – спросил Ворон, смотря куда-то вдаль. – Мне нужно силки проверить.

Усмехнувшись этому, я спросила:

– Так ты разбойник или охотник?

– У меня много талантов, – улыбнулся полуэльф. – Тем более, одним разбоем такую банду не прокормишь. Ну, так что, идешь?

Поднявшись, я двинулась следом за Вороном по еле приметной тропке, петляющей меж кустов и деревьев. В этой части леса они в основном были тонкоствольные и краснолистные. Вокруг некоторых из них обвивался ярко-зеленый вьюнок, а с веток свисали гроздья фиолетовых цветов, так и норовившие зацепить за волосы. Но окружающий пейзаж меня сейчас волновал гораздо меньше, нежели чем общество, в котором я оказалась. Лесными разбойниками все мамыши всегда пугали малышей. Да даже я грешным делом грозила ими принцу, когда тот уж совсем не слушался. Мол, придет злой дядя бандит, утащит тебя в чашу и съест там. Ну или не съест, а перевоспитает. От моего настроения зависело. Величество на них хоть и ругался периодически, но облавы почему-то не устраивал. Однако попавшихся бандитов и воров судил по всей строгости закона. Так что о лесных разбойниках я имела весьма противоречивые представления. У власти спросить прямо возможности не было, поэтому я решила попробовать удовлетворить свое любопытство за счет второй стороны, осторожно начав:

– Слушай, а правда...

– Нет! – неожиданно резко прервал меня Ворон.

– Что нет?

– Мы никого не сажаем на кол, не пьем кровь и не вытворяем все прочие ужасы! Мои люди просто живут в лесу!

Похоже, тема была больной и заезженной. Поэтому, не став накалять страсти, я лишь уточнила:

– Как ты их собрал?

– Так получилось, – почти спокойно ответил Ворон. – Кто-то ушел в разбойники, потому что налоги задушили, у кого-то дом сгорел, а кого-то просто на улицу вышвырнули. Собравшись, мы построили новый дом, новое общество.

И тут я не удержалась от шпильки:

– И бессовестно обворовываете старое?

– Таких, что не жалко, да. Тихо! – Ворон вскинул руку и пригнулся, указав на шуршащие впереди кусты.

Мне даже не надо было видеть, я и так знала, что там происходит. Два древня, почуяв меня, отчаянно пытались уволочь попавшую в силочку птицу. Но ее лапа запуталась в сетке, существенно усложнив задачу. Приближение угрозы вселило в ряды воров панику, однако бросить добычу жадность не позволяла.

Эти мелкие безобидные с виду пакостники, ростом около полуметра, и поодиночке представляли вполне реальную опасность. А, собираясь в стаи, могли стать настоящим стихийным бедствием. Покрытые коричневым земляным наростом тела были необычайно гибкими и обладали недюжинной силой. Один древень мог поднять вес, в десятки раз больше собственного. Хитрые, юркие, мстительные твари. Они могли разорвать в клочья любого, кто чем-то им не нравился.

Ворону, видимо, понявшему, что кто-то потрошит его капкан, птицу было жалко. Все-таки его силочка – его добыча. Поэтому он сделал самое глупое, что мог: запустил в кусты камнем.

– Ты что творишь?! – вскрикнула я.

– Какое-то мелкое зверье ест мою птицу! – ответил Ворон и спокойно пошел по направлению к притихшим кустам.

Хорошо, что жажда мщения уступила здравому смыслу, и древни решили со мной не связываться. Меня вполне устраивает роль никчемной подконтрольной девочки. Не хотелось ломать игру раньше времени. А был шанс, что пришлось бы.

Мне до сих пор помнилось, как мы с братом наткнулись на несколько изувеченных, выпотрошенных трупов. И стаю этих мелких бестий, довершающих свою месть. Стихийников древни боялись, детей же никогда не трогали. Поэтому при виде меня они просто ушли. А мы на той поляне обнаружили до смерти перепуганную, но живую девочку, от которой и узнали, что произошло. Две семьи шли через лес в соседнюю деревню. Четверо мужчин, три женщины и ребенок. Выйдя на поляну, они увидели родник и пьющего из него духа леса. Один из мужчин запустил в него камнем, чтобы отогнать от воды. И дух ушел, но скоро вернулся. И не один...

Усилив воли отогнав возникшее видение, я посмотрела на полуэльфа, выпутывающего из силка весьма жирную коричневую куропатку, которой услужливо свернули шею.

– А если бы это были древни? – как бы невзначай спросила я.

Ворон посмотрел на меня словно на наивную дурачку и, усмехнувшись, ответил:

– Они бы так не суетились. Спокойно открыли бы капкан, забрали и ушли. Древни в этом лесу хозяева, так что вряд ли бы копошились, как бестолковые зверята.

Порадовавшись, что духи леса не понимают человеческий язык, и не став разочаровывать самоуверенного охотника, я пошла следом за ним к следующему силку. Там Ворон легко вынул птицу и, отдав мне, поставил ловушку по новой. Обойдя еще десяток мест, мы вернулись в пещеру с охапками куропаток.

Там уже вовсю жарилось мясо. Вместо нескольких мелких костерков, было разведено два больших. Над каждым из них на вертелех мужчины, весело переговариваясь, крутили оленьи туши. Вдоль стен стояли низенькие столики, которые женщины застилали скатерками и ставили посуду. Похоже, намечался праздник. Сгрузив мне всю добычу, Ворон велел отнести ее Рою, а сам пошел к одному из костров. Под одобряющими взглядами присутствующих я направилась к складу, еле видя дорогу из-за ноши.

У дубовой двери ничего не изменилось. Рой по-прежнему сидел около нее, строгая ложку. Увидев меня, он поднялся и велел мне сгружать тушки прямо на землю. Затем, хозяйственно пересчитав их, он взялся за нож.

– Ты разве не пойдешь к остальным? – удивилась я.

– Да что мне там делать? Упьются сейчас вусмерть, да по углам разбредутся, – печально ответил Рой, беря в руки первую попавшуюся птицу.

Прикинув, что такое времяпрепровождение мне тоже не очень, я предложила:

– Давай помогу.

– А ты умеешь, что ли? – удивленно поднял голову полугном. – Вы ж городские фифы не больно-то умелые.

– Проверь, узнаешь.

Усмехнувшись, Рой все же протянул мне нож. Выбрав тушку покрупнее, я сноровисто взялась за разделку. Сразу вспомнились времена бурной юности, когда мы с братом бродили по дорогам в поисках легких денег и боевой славы. Ночевали, в основном, в лесу, и питались соответственно. Полюбовавшись на мои навыки, Рой одобрительно кивнул и тоже взялся за дело. Мы разобрались с большей частью добычи, когда к нам подошел слегка окосевший Ворон. Сфокусировав на мне взгляд, он спросил:

– Ты к-куда пропала?

– Колбасу отработывает, – проворчал Рой.

– Там же сейчас все съедят, – полуэльф махнул рукой в сторону основной пещеры.

– Ну и ладно. Иди, не мешай работать, – кладовщик отложил готовую тушку и потянулся к следующей. – Все равно ваше мясо есть невозможно. А мы и тут потом перекусим.

– Я тогда с вами побуду, – сказал полуэльф и, сев на землю, прикрыл глаза.

Закончив с разделкой и рассортировав полученные кучки на съедобное – несъедобное, мы сходили к озеру, оставив, как казалось, спящего полуэльфа. Вернувшись же, застали весьма живописную картину настезь открытой двери. Увидев сие безобразие, Рой охнул и кинулся туда. Я поспешила следом. Оказалось, что Ворон за время нашего отсутствия вскрыл склад и, распотрошив какую-то емкость, с наслаждением что-то ел. Подойдя к нему, полугном без капли уважения отобрал горшок и даже посмел отвесить главарю подзатыльник.

– На сладенькое потянуло? – сурово укорил он вождя. – А лечить тебя потом кто будет?

– Я ж чуть-чуть, – виновато улыбнулся Ворон. И пояснил мне. – Мне нельзя малину. Но хочется же.

– Вот будешь завтра ходить с красной мордой! – проворчал Рой, убирая горшок с вареньем.

Получив очередную пищу к размышлению, я занялась помощью в приготовлении пищи обычной. Пока мужчины придвигали к расчищенному столу сундуки и бочку, я нарезала бутерброды и разлила принесенные Вороном остатки вина.

Я жевала нарочито медленно, наряду с физической пищей перемалывая духовную. Терпеть не могу непонятные правила игры. По мне, раз назвался разбойничьим главарем, так и веди себя соответствующе. А то один под взглядом трепещет, другой подзатыльниками одаживает! Так и жди какой-нибудь гадости. А кстати, о ней. Ведь после ужина мне придется идти спать. И если к обязанностям кухарки, да даже прачки я относилась весьма спокойно, то работать в постели категорически не хотелось. К самому Ворону претензий не было: красивый благородный разбойник, но для меня это достаточным поводом не являлось. За помощь я ему, конечно, была благодарна, но до уровня стирки-готовки.

Увы, вечно растягивать ужин не получилось. И когда последняя крошка была, наконец, мною проглочена, полуэльф весьма быстро поднялся и взял меня за руку. Это я еще стерпела, поднимаясь и позволяя себя увести. Но когда, выйдя в основную пещеру, он весьма недвусмысленно обнял меня за талию, прижав к себе, я попыталась выкрутиться. Но не тут-то было. Стиснув объятия сильнее, Ворон чуть пошатнулся и громогласно объявил:

– Ничо, сейчас я тебя утихомирю!

Заявление вызвало одобрительную реакцию еще не расплзшихся бандитов. И пока мы шли до комнаты, кто-то даже осмелился надавать вождю советов, как лучше со мной поступить. Причем, неожиданно пьяный вдрабадан Ворон со всем истово согласился. Правда, напрашивающихся помощников послал по известному адресу. Я же шла, молча скрипя зубами. Ладно, главное дойти до комнаты, а там как-нибудь по-тихому урону. Наконец, под жадными взглядами и улюлюканье бандитов Ворон втолкнул меня в пещеру и запер дверь.

– Как же я это ненавижу! – вдруг сказал он абсолютно трезвым голосом. И, отойдя к горе одежды, принялся расшнуровывать обувь.

Метаморфоза застала меня врасплох, ибо я уже прикидывала стратегию защиты, но без внезапного нападения она рассыпалась вдребезги. Не скажу, что это было плохо, но неизвестность была не лучше. Поэтому не торопясь радоваться, я осторожно спросила:

– Что именно?

Ворон скинул ботинки и, повернувшись ко мне, ответил:

– Быть ближе к народу. Гораздо проще же отыгрывать роль жестокого тирана, чем периодически напивающейся скотины.

Заявление меня слегка шокировало. Хотя, такими темпами удивляться меня скоро отучат. Пока же я не придумала ничего лучше, как посоветовать:

– Так смени образ.

В ответ полуэльф отрицательно помотал головой, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки:

– Дружить с толпой выгоднее, чем держать ее в страхе. Те же самые сплетни очень помогают управлять ситуацией.

Надо же, видимо до этой истины рано или поздно доходят все правители. Ибо точно такие слова я когда-то уже слышала, но из других уст.

– Ладно, давай спать. Ты с края или у стенки? – спросил Ворон, скидывая рубашку. Ответ застрял в горле, чуть не сменившись криком. Но я удержалась и даже не содрогнулась от вида его тела. Оно все было покрыто застарелыми шрамами. Тонкими, но многочисленными. На груди, животе, плечах не было ни одного живого места. Поскорее отведя взгляд, я безразлично пожала плечами:

– Можем жребий бросить.

На это полуэльф усмехнулся:

– Раз тебе все равно, тогда ложись у стенки.

И я без вопросов легла. Ибо в глубине души возникло давно выкинутое оттуда чувство. Надо же, а я уж и забыла, какое оно. Ворон же лег рядом и, накрыв нас одеялом, погасил свет.

– Спокойной ночи, – сказал он.

– И тебе, – прошептала я.

По-джентельменски разделить кровать не получилось, так как одеяло было слишком узким. К тому же, как я поняла, из-за хитрой системы вентиляции, к ночи в пещере становилось ощутимо холодно. Видимо, почувствовав мою дрожь, а то и услышав стук зубов, Ворон придвинулся ближе и, осторожно обняв, сказал:

– Не бойся, не полезу.

На это усмехнулась уже я. По тем же походным правилам, вынуждающие обстоятельства вносили некоторые коррективы в рамки приличия. Да и теперь я не чувствовала от полуэльфа угрозы, а в теплых мужских объятиях всегда хорошо засыпается. И помимо моей воли, мне вспомнились счастливые времена, когда так было каждую ночь. Однако долго тосковать по прошлому не пришлось: день выдался суматошным, поэтому уснула я очень быстро. Только проспав спокойно до утра не удалось: среди ночи меня разбудил отчаянный крик. Открыв глаза, я увидела Ворона, сидящего рядом. Он тяжело дышал, стирая с лица липкий пот.

– Прости, кошмар приснился, – виновато признался он, увидев, что я проснулась.

– Часто с тобой такое?

– Бывает, – полуэльф встал и, надев рубашку, вышел.

Я сочувственно посмотрела ему вслед. Мне уже доводилось видеть отпечаток таких кошмаров. Когда раз за разом возвращается твое темное прошлое, в котором уже ничего не изменить. Оно не дает нормально жить дальше. Ведь пока старая боль стоит у тебя за спиной, ни о какой новой жизни не может быть и речи. Когда-то я умела это лечить. Что ж, посмотрим, можно ли будет что-то сделать. Ведь не зря же почувствовала возвращение своей силы. Но в эту ночь ничего не произошло: Ворон в комнату так и не пришел. Не помню, сколько я его ждала, прежде чем все-таки уснула. Но мне впервые за долгое время приснился сон. Я стояла на обломке скалы, висящем в пустом пространстве. Рядом на таких же островках стояли другие люди. А с неба падали камни. Какие-то из них пролетали мимо, никого не задевая, какие-то падали на скалы, заставляя их пошатнуться, а стоящих на них людей изо всех сил постараться удержать равновесие. А какие-то камни били точно в цель. И после этих ударов кто-то вставал, а кто-то уже нет.

Проснулась я как всегда довольно рано. Во всяком случае, вернувшийся Ворон еще спал. Осторожно выбравшись из его объятий, я пошла умываться. В пещере уже шевелился народ. В основном женского пола. Они разводили костры и доставали посуду. Похоже, было время готовки завтрака. На кухне-складе как всегда сидел Рой. Интересно, он спит тоже тут?

– Что, ночь прошла удачно? – спросил он, хитро улыбаясь.

– Да, – ответила я и, подумав, решила поддержать авторитет вождя в глазах народа. – Ваш Ворон ого-го! И как это я с первого раза не разглядела.

– Он славный, – кивнул Рой.

Получив положенной крупы, причем в двойном размере, и даже молока, я отправилась к костру. У него, как всегда, было достаточнолюдно. Вытащив несколько угольков, я соорудила себе отдельный очаг, не занимая очередь. Оказывается, для группы рядовых разбойников готовила одна женщина, остальные же были рядом просто для моральной поддержки. Они развлекали дежурную по кухне сплетнями или просто разговорами. Помешивая кашу, я краем уха прислушивалась к ним.

– Представляете, бабоньки, Петера вчера чуть не поймали, – заломила руки худощавая мадам в сером сарафане. – Он под вечер решил на дорогу выйти подзаработать, так на патруль нарвался. Еле ушел. Говорит, по всему лесу солдаты шастают. Ищут кого-то.

– А Ворон сегодня собирался в город идти, – покачала головой Тира. – Надо предупредить, чтоб осторожнее был.

Что ж, это было ожидаемо. Будем надеяться, меня здесь не найдут. Осталось меньше двух недель. Гонца за королем, наверняка, выслали. Так что скоро я оставлю этот гостеприимный дом. Только кое-что все же сделаю.

Когда каша была готова, я пошла в комнату, взяв котелок в одну руку, а чайник в другую. Открытая пинком дверь заставила полуэльфа подскочить от неожиданности. Событие застало его за столом. Посмотрев на испорченное дрогнувшей рукой письмо, он досадливо поинтересовался:

– А принести сначала одно, а потом другое не судьба?

– Леня несколько раз бегать, – ответила я, водружая ношу на стол, и полезла за тарелками. Наблюдая за сим процессом, Ворон поинтересовался:

– Кстати, а чего ты их на кухню не отнесешь?

– И перемыть вам под шумок всю посуду? Нет уж. Я эти песочком отчистила, хватит.

Разложив дымящуюся кашу и разлив чай, я села на стул. В отличие от меня, полуэльф овсянку, похоже, любил, ибо с аппетитом съел все до крошки. Когда же он, поблагодарив, собрался уходить, я предупредила его:

– Будь осторожен. В лесу патрули ходят.

– По твою душу? – усмехнулся Ворон, одевая куртку.

– Не имею понятия, просто беседу у костра услышала. Петер вчера нарвался.

Никак не отреагировав на это, полуэльф достал что-то из лежащей под столом сумки и раскидал это по карманам. Затем, пообещав вернуться к ночи, ушел.

Что ж, похоже, этот день был полностью в моем распоряжении. И надо было подумать, чем его занять. За свою жизнь мне довелось побывать в гладиаторских казармах, цыганском таборе и даже во дворце. Но в разбойничий лагерь пока как-то не заносило. Прикинув, что опыт лишним не бывает, я пошла рассматривать общество поближе. Благо сегодня был абсолютно свободный от готовки день. А себе что-нибудь у Роя выпрошу, или сопру. Как получится.

Оказалось, что пещера в холмах – лишь парадная часть. Разбойничий дом простирался дальше под землю. Так как мне было без разницы, куда идти, то мой поход начался с самого левого из неизведанных ранее коридоров. Похоже, мне повезло, ибо ход вывел меня в более широкий коридор, если не зал, по стенам которого располагались входы в пещеры разного назначения. Чем дальше я шла, тем больше все напоминало мне небольшой город. Тут была своя пекарня: небольшая пещерка, оборудованная очагом и дымоходом. Про систему вентиляции вообще хотелось кого-нибудь расспросить подробнее. Определенная духота, конечно, присутствовала, но в разы меньше, чем должна была быть. В другой пещерке обнаружилась школа. Порядка десяти подростков сидели на скамьях на полу и по слогам читали выведенное

углем на деревянной доске слово. Занятно, но горящие по стенам факелы совсем не чадили. Более того, пламя было кем-то укрощено. И даже мне почти не отзывалось. Пройдя дальше по коридору, я заглянула в обширное помещение, уставленное мишенями, соломенными чучелами и прочей тренировочной атрибутикой. Тут разминались Петер с товарищами. Вернее, сейчас двое из них катались по полу, остальные обступили дерущихся кругом. Оказалось, бой шел до первой крови. Как только одному расквасили нос, драчунов растащили.

Продолжая свою прогулку, я наткнулась на пещеру портного. Что было очень кстати. Отработав уборкой и выносом мусора стоимость подгонки, я получила сидящий по фигуре костюм. Надеюсь, к своей бывшей рубашке Ворон не испытывал трепетных чувств.

Напросившись же в помощники к пекарю, я пообедала вкусной сдобной булочкой с ароматным чаем. Мне даже удалось выпросить у Роя немного малинового варенья, аргументировав тем, что вчерашние куропатки стоят больше чем колбаса с хлебом. В общем, со всеми обитателями пещеры я была само бестолковое очарование.

Где-то через пару часов, посчитав, что образ доброжелательной девочки-простушки в умах народа создан, я отправилась к себе. И так, пока плану отсидеться тут до возвращения короля, а затем пробраться в замок, ничто не мешало. И, кстати, можно было бы выяснить, нет ли у местной братии выхода на городских коллег. Толковый домушник, который помог бы с незаметным проникновением в королевские покои, пригодился бы. Но это позже, а пока я взяла с полки книгу и с удовольствием устроилась на лежаке. Жизнь-то налаживалась.

К ночи, как и обещал, вернулся Ворон. К этому времени ужин уже давно стоял на столе. С первого взгляда было понятно, что полуэльф чем-то расстроен. Не поздоровавшись, сел за стол, даже не скинув куртки. Ел молча, не поднимая глаз от тарелки. Видно, произошло что-то серьезное. Я не стала лезть с расспросами, уткнувшись в книгу. Нехорошее предчувствие кошкой скребло в душе. Когда посуда опустела, Ворон, не поворачиваясь ко мне, спросил:

– Это правда?

– О чем ты? – осторожно уточнила я.

Полуэльф развернулся и, вытащив из кармана скомканный листок, швырнул мне. С листовки на меня смотрела моя грубо нарисованная, но вполне узнаваемая физиономия. Ниже описывалось, за что и почему следовало доставить сего субъекта во дворец. Отпираться было бесполезно, врать про подставу не хотелось, да и по лицу полуэльфа было понятно – не поверит. Поэтому я честно ответила:

– Да.

Ворон одним прыжком оказался около меня, схватил за шею и прижал к лежаку.

– Если бы не возможность выгодно тебя продать, – зло прошипел он, – убил бы на месте! Завтра же сдам властям. В нашем доме не место детоубийце!

Эх, хорошее убежище было. Жалко. Изобразив ужас во взгляде, я даже позволила себя связать. Все равно придется возвращаться в город. Правда, хотелось попозже, но если выбирать не приходится, то лучше пусть отведут те, кто знает путь, чем самостоятельно бродить по лесу. При всех моих талантах я имела огромный недостаток – топографический кретинизм. Даже с помощью Стихий сориентироваться на местности мне было сложно.

Спать в одной комнате с детоубийцей Ворон не пожелал и провел ночь неизвестно где. Меня это вполне устраивало, так как нужно было спокойно продумать, что делать дальше. Если прикинуть, что гонцу удастся сразу найти величество, то отряд вернется в столицу дней через пять, не раньше. Если же он, увлекшись охотой, затеряется в лесу, то ждать не меньше недели. И зачем только Ворона в город понесло? Да и кто знал, что он окажется таким щепетильным? Иногда от скотин тоже бывает польза: с ними можно договориться. Ладно, главное добраться до лавочки магических травок, а там все будет хорошо.

На рассвете меня грубо скинули с кровати, велев шевелиться. Мда... Джентльмен, нечего сказать.

Видимо, утро было для разбойников совсем ранним, ибо в пещере никого не наблюдалось. Проведя по пустынному залу, полуэльф без сожаления вытолкнул меня в прохладное влажное утро. Только-только просыпались птицы, на травинках блестела роса, в верхушках деревьев шумел ветерок. Хорошее начало дня. И теперь лишь от меня зависело, будет ли его конец таким же.

Ощутимо подтолкнув в спину, Ворон указал направление движения. Я вздохнула. Вечно с этими мужиками так: злятся на себя, а вымещают зло на женщинах. Идти молча было скучно, поэтому, развернувшись лицом к конвоиру, я попробовала завязать беседу. Шагать спиной вперед мне было вполне комфортно, так что это не мешало.

– Не жалко меня? – поинтересовалась я, склонив голову на бок.

– Закрой рот! – пробурчал он в ответ.

– А если я скажу, что не виновата, поверишь? – я улыбнулась, состроив невинные глазки.

– Нет! – зло бросили в ответ.

– Почему?

Ворон сжал кулаки:

– Ты жестокая, лживая тварь! Послушал я, что о тебе люди говорят!

Ну да, убийство принца сейчас самая животрепещущая тема. Во всех тавернах, наверняка, обсуждают, припоминая и мои былые заслуги перед короной. Видимо, случившееся было лишним подтверждением сложившегося в умах народа образа. Увы... С общественным мнением бороться бесполезно, да и доказывать что-то словами глупо. Поэтому сочтя дальнейшую беседу бессмысленной, я замолчала и отвернулась. Так мы прошли достаточно долгое время.

Когда я сообразила, что из леса смогу выбраться самостоятельно, то решила действовать. Ибо сдаваться в горячие руки королевы категорически не хотелось. Снова развернувшись лицом к Ворону, я остановилась. Воздух отозвался сразу, сообщив все, что мне было нужно. Так, ножи на поясе и за голенищем. Приемлемо.

– Чего встала? – весьма грубо спросил провожатый.

– Решила, что дальше пойду сама.

Невинно улыбнувшись, я слветировала оба ножа: один себе за спину, а другой приставила к горлу Ворона. Не ожидал. Впрочем, я тоже. Полуэльф ловко ушел от трепещущего у шеи ножа и сделал пасс в мою сторону. Ошейник с амулетом отозвался на приказ хозяина и стал резво меня душить. Пришлось тюкнуть противника камнем по затылку. Благо подходящий булыжник валялся поблизости. Знаю, подлю. Но жить хочется.

С потерей сознания хозяином, хватка амулета ослабла. Я дорезала веревку на руках и проверила пульс полуэльфа. Живой. Бессовестно обшарив карманы и разжившись кучей полезных вещей, я оглядела близрастущие деревья. Как-то не хотелось, чтобы несчастный из-за меня сильно пострадал. Приметив наиболее разлапистое, я закинула полуэльфа наверх. Сняв амулет, и прислонив руку к стволу, мне удалось заставить ветки бережно придержать разбойника. Как очнется, выберется, а пока ни древни, ни звери до него не доберутся. Полюбовавшись на свое творение, я бодро зашагала по направлению к дороге.

Интересно, свернули уже лесные поиски или еще нет? На всякий случай я шла с максимальной осторожностью, выспрашивая у Воздуха обстановку вокруг. Все было чисто. Сейчас мне были доступны все четыре Стихии, поэтому обычный патруль был не страшен. Вот только я как-то подзабыла, что, сбегая, устроила шоу у ворот, и теперь искали не обычную девочку-нянечку, а, как минимум, воздушника. Летящую в меня сеть я заметила слишком поздно. Навыки, конечно, сработали, но годы спокойной жизни дали о себе знать. Полностью увернуться не получилось: липкая паутина обвила ногу, пригвоздив к земле. Эх, похоже вот он, бесславный конец Лионы-стихийника. Когда-то грозе бандитов, воинов, упырей и прочих напастей. А теперь лишь нянечки-детоубийцы, которая в скором времени станет лишь горсткой пепла. Развевной по ветру, оплаканной дождем и принятой землей.

ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ

Темнота... Она бывает разная, у нее много лиц, много ролей. Каждую ночь входит в дома темнота добрая, приносящая покой. В комнате тяжелобольного живет темнота напряженная, намеренно гасящая звуки, заставляющая прислушиваться. В детских спальнях обитает темнота страшная. Коварно выглядывает из всех щелей, не давая высунуть нос из-под одеяла. А еще темнота бывает обидной. Когда ты лежишь, закрыв глаза, и не можешь ни пошевелить связанными руками-ногами, ни вытащить кляп.

Хотя при более внимательном рассмотрении стало понятно, что я не лежу, а сижу на стуле с мешком на голове. Надо же, какой сюрприз! Шаркнув босой ногой, я задумалась: с каких это пор в тюрьмах стали стелить ковры? Хотя, так ли важно сейчас об этом думать? Эх, как сказал бы один друг, попалась птичка по собственной дурости. Расслабилась, расклеилась от спокойной жизни. Разучилась думать и быть начеку. Четыре года в няньках и все: в голове, считай, та же каша. Ладно хоть колдовать не разучилась.

Я попробовала позвать какую-нибудь из стихий, хотя бы родной Воздух. Не тут-то было. Эльфийские веревки! Чтоб им провалиться вместе с создателями! Мда... глупо было надеяться. Комок безысходности издевательски подкатил к горлу. В одиночку в такие передраги я еще не попадала. Раньше у меня было много хороших друзей. И в какой бы дыре я не оказывалась, всегда знала: за мной придут. Ибо точно также пришла бы за каждым из них. Что же теперь? Друг-мечник ненавидит, друг-стрелок погиб, а братец шастает не пойми где. Долеталась ты, Лиона. Шлепнулась оземь, и теперь, плачь не плачь, а гореть тебе ярким пламенем.

Скрип дверных петель и тяжелые шаги заставили меня выровнять и замедлить дыхание. Нечего раньше времени подавать вид, что очнулась. Кстати, не помню, с чего меня вырубил? Неужели по голове прилетело? Однако гадкий привкус во рту навел на определенные мысли, которые через пару секунд оформились в твердое убеждение. Паутинка была с сюрпризом. Лязг заточиваемого ножа и терпкий запах зелья вызвали лишь горькую усмешку: я так боялась попасть в руки правосудия, что залетела в лапы к теневику. Когда ж мы эту заразу выведем-то?! Вроде и Орден их изничтожили, а поодиночке все равно выползают, гады! Интересно, какой из ритуалов он мне уготовил?

Тут мои размышления прервали: в комнате появилось еще одно действующее лицо.

– Неужели все? – восторженно пролепетал смутно знакомый голос.

– А ты сс—сомневалсс—сся? – шипяще выдохнули в ответ.

– Что *Вы*, я...я никогда! – восторженность сменилась ужасом. – Просто *Вы* так ее расписывали, что мне казалось, должно быть сложнее.

– Посс-старела девоч-шшшка.

– Ваше сиятельство! К Вам королева! – донесся откуда-то зов.

В ответ на это некто отложил нож и усмехнулся:

– Как она вовремя. Пош-ш-шли, предсс-ставиш-шшь меня.

Снова звук шагов и скрип двери. Затем тишина.

Так, Лиона, надо выбирать. Уж лучше на костер, чем в вечное рабство. Тем более, по рассказам, огонь стихийников щадит, будет больно, но быстро. Если же останешься, пощады не будет. Раз эта шипящая змеюка меня знает, то легкой смерти можно не ждать. Видно, это еще орденский. Значит, кого-то в той заварушке мы все-таки не добились. Отлежался, скотина, и выполз на мою голову. Наверное, специально ждал, когда мы разбежимся кто куда. Эх, братец, сколько раз ты хвастался, что можешь снять любые путы и предлагал научить? Не слушала, дура! Мол, я ж ведьма, мне ж незачем! Хотя, учитывая разницу телосложений, вполне возможно, что предлагаемый метод мне бы не подошел. На братика не каждые оковы лезли. Но не будем отвлекаться.

Перейдя от мысленных причитаний к действиям, я добилась-таки определенного успеха. Раскачавшись, вместе со стулом рухнула на бок. К спасению не ближе, зато мешок слегка сполз. Через небольшую прореху я смогла хотя бы оглядеть помещение. В поле зрения попало окно

и письменный стол с магическими принадлежностями. Мягкий шерстяной ворс ковра, а также внешний вид мебели говорили о том, что занесли меня в особняк весьма богатого человека. Скорее всего, в дом барона Гельди, брата ее величества. Он безумно любит сестру, поэтому запросто мог нанять кого-то для моей скорейшей поимки. Что ж, с его деньгами и любовью к покойному племяннику вполне логично. Наемника с заказчиком теперь еще и к награде приставят. Ибо после определенного ритуала ее величество сможет сжигать меня каждый день.

Я с тоской посмотрела в окно. Темнота за ним как нельзя лучше соответствовала моменту. Беспросветная, густая, навевающая отчаянье. Но вдруг ее прорезал лучик надежды.

Еле слышно отворились ставни, и с подоконника на пол мягко прыгнула фигура, одетая в черный облегающий костюм и маску-капюшон, скрывающую лицо. Домушник!

Вор деловито начал обшаривать полки и выискивать тайники. Сгрузив в карманы весьма неплохой улов, он подошел к столу, чуть развернувшись ко мне и скинув капюшон.

Ой, дурак! Ну что ты тут делаешь?

Отчаянно замычав, я попыталась привлечь к себе внимание. Получилось. Субъект, сунув что-то в карман, испуганно заозирался. Однако заметив отчаянно дрыгающуюся меня, подошел и снял мешок.

Я изо всех сил постаралась добавить в мычание радостные нотки. Но домушник то ли не оценил, то ли не так понял. Одним резким ударом меня лишили сознания.

Очнулась я в лесу, у костра, все также связанная и с кляпом во рту. По другую сторону пламени сидел Ворон и мешал что-то в котелке. Я замычала.

– Очнулась? Приветствую, – издевательски улыбнулся полуэльф. – Все-таки есть на свете справедливость. И свои деньги за тебя я получу.

Я снова замычала.

– Не проси. Кляп не вытащу, – твердо сказал он, осторожно пробуя варево. – Обойдешься без ужина: завтра в тюрьме накормят. Говорят, прощальный обед там традиция. Любое блюдо подадут с дворцовой кухни на королевском серебре.

Я замычала опять. Необходимо было поговорить с этим дурнем как можно быстрее. Однако он от беседы упорно отказывался. Достав из сумки ломоть хлеба, полуэльф отвернулся от меня, предупредив:

– Будешь действовать мне на нервы, опять ударю.

Я беспомощно закатила глаза. Ладно, попробуем другим путем. Судя по всему, ты кристаллический. Но все мы живем в одном телепатическом поле. Даже если не уметь управлять разумом, можно передать магу мысль. Только короткую и эмоциональную. Сосредоточившись, я уставилась на Ворона и стала мысленно повторять одно и то же слово.

Через полчаса, когда полуэльф с аппетитом доел ужин и стал устраиваться на ночлег, я, видимо, добилась результата. Правда не того, на который рассчитывала. Развернув одеяло, Ворон мило улыбнулся и сказал:

– Проклинай меня, сколько хочешь. Но завтра я отведу тебя во дворец. И точка.

С этими словами, раскидав по периметру полянки сигнальные амулеты, он лег спать. Дождавшись, когда дыхание спящего успокоится, я поползла к остаткам костра. Нужно попробовать пережечь веревки. Шанс, конечно, так себе, но ничего лучше нет.

Я была уже в каких-то сантиметрах от цели, как один из сигнальных амулетов полыхнул красным огнем. Оставшиеся в строю живо образовали защитную ауру вокруг поляны, затянув ее еле заметным куполом. Разбуженный этим безобразием полуэльф мгновенно принял боевую стойку. Он выхватил из-за пояса нож и начал осматриваться в поисках угрозы, пристально изучая все высокие кусты и даже ветки деревьев.

Мда, такими темпами из меня без всяких ритуалов корову сделают. Я в очередной раз замычала, кивая головой в траву. Переведя взгляд в указанном направлении, Ворон слегка спал с лица. Купол окружили древни и принялись разламывать образующие его амулеты. По трое

на каждый. И хоть пришли они сюда по мою беспомощную душу, полуэльфа тоже жалеть не станут. Они люто ненавидят таких, как я, и не упустят возможности разобраться, зацепив заодно всех, кто под руку попадет. Они чувствуют, что я бессильна, то есть бояться нечего.

– Ты стихийник?! – ошарашено выдохнул Ворон.

Хоть и неудобно было кивать головой, лежа на боку, я это сделала. Переоценив обстановку, полуэльф кинулся разрезать веревки. Кляп я вытащила сама, едва освободились руки. Так как три из пяти амулетов были разломаны, а последний, ключевой, доламывали, я решила отложить беседу на потом. Главное выжить, остальное позже. Сегодня у меня был тяжелый день. Поэтому больше чем один удар я не потяну. Нужно сделать что-то максимально эффективное, чтобы вселить в эту мелочь страх и заставить в ужасе удирать без оглядки. Показать, что я в силе, пустив пыль в глаза.

Взяв в руки уголек, я швырнула его в прорвавшуюся впереди толпу. Из маленькой искорки сформировался внушительных размеров огненный шар. Он ударился о не успевших отскочить и разбился на тысячу искорок, каждая из которых превращала в живой факел того, на кого падала. Отчаянно заверещавшие создания кинулись наутек. Я же опустила на колени. Демонстрация силы удалась на славу. Хорошо, что они не чувствуют мою усталость. Они просто знают, что стихийник свободен.

Обернувшись, я собиралась, наконец, пообщаться с Вороном, но, увы. Меня подло оглушили, лишив сознания. Спина всегда была моим слабым местом. И в расплату за небрежность в очередной раз я очнулась связанная и с кляпом во рту. Ну что ж за день сегодня такой? На мое возмущенное мычание мне спокойно ответили:

– Можешь тешить себя мыслью, что спасение моей жизни тебе зачтется, когда после смерти будут разбирать твои грехи.

Сказав это, Ворон поставил ограду снова. На этот раз он изменил порядок амулетов, чтобы спрятаться от древней. Теперь они нас просто не увидят. В иной раз я бы восхитилась. Но сейчас меня беспокоила лишь невозможность говорить. Вот же, дуб упертый! Знала бы, наплевала на все и сказала бы пару ласковых, пока можно было. Ладно, может, во дворце выдастся случай.

Привалившись спиной к жесткому стволу, я закрыла глаза. В душе было непривычно тихо. Стихии редко оставляли меня одну, без их голосов я чувствовала себя брошенной. Вот оно – возмездие по делам моим. Одно неосторожное слово, брошенное когда-то на ветер, зажгло пожар, спаливший не одну судьбу. И за все горькие слезы, пролитые по преданным земле, теперь придется расплатиться сполна.

Жалко, что от нас скрыто будущее. Ибо без знания мы слепы. Как отличить невинную фразу от роковой? Мелкий проступок от катастрофы? Никак. Пока не придут последствия, ты не узнаешь цены совершенных действий и сказанных слов. Зато стоимость слов несказанных я сейчас видела с абсолютной ясностью. Мне нужно сказать всего три жалких слова и, может быть, все будет хорошо. Хотя, кто знает...

Ворон разбудил меня на рассвете. Правда, не грубым пинком, а весьма галантно. Быстро собравшись, он повел меня в город. Даже завтрак не стал.

Проанализировав события, я поняла, что находилась не в особняке барона Гельди, а в его летней резиденции на краю леса. Теперь мы шли к городским воротам. Без подсказок Стихий идти по лесу было сложно. Я постоянно спотыкалась о выскакивающие под ноги корни и кочки. Один раз даже упала, больно стукнувшись носом. Неудобно падать, если руки за спиной связаны.

Когда ворота были уже видны, Ворон остановился и мелодично свистнул. Ближайшие кусты затрещали, и к нам выломился Петер. Кивнув на меня, полуэльф напутствовал бандита:

– Оденься попримечнее и отведи ее во дворец. Там сдай за положенное вознаграждение, а деньги принеси Тире, – и грозно добавил. – Смотри, проверю.

Петер в ответ улыбнулся, мол, не извольте беспокоиться. Ворон же, не глядя на меня, ушел, быстро скрывшись из виду. Вот и все. Не успела. Мои три жалких слова так и остались несказанными. Что ж, значит, такова судьба, и не мне лезть в ее планы.

Отвернувшись от еще качающихся веток, я стала покорно ждать своей участи. Достав из тайника, расположенного в корнях огромного дуба, приличную одежду, Петер переоделся и стал похож на вполне добропорядочного деревенского простачка. Схватив меня своей огромной лапой, он неспешно пошел по направлению к массивным деревянным воротам. Перед ними никого не было, ибо караул не пожелал стоять на солнцепеке. Так что мы беспрепятственно прошли по мосту и вошли в город. Лишь на внутреннем двореке нам встретились стражи порядка. Двое дежурных у подъемного механизма бессовестно играли в карты. Я про себя усмеялась: лучший начальник – начальник уехавший. В отсутствие Эрла, периодически проверяющего караулы, солдаты расслаблялись. Однако, бросив взгляд в нашу сторону, подхватили копья и соизволили-таки подняться. Видно было, что меня узнали. В иной ситуации, сказала бы, что это приятно.

– Преступница должна быть передана в руки правосудия, – пафосно начал один.

– Так во дворец и веду, – изобразил недоумение Петер.

– Молодец. Но неча всем подряд по столице шастать. Дальше мы сами, – медово улыбнулся второй.

– А награда как же? – почесал затылок детина.

– Проваливай по-хорошему, – сказал первый солдат, опершись на копье. – Не то наградим ночью в яме.

Мне вполне были ясны мотивы караула. Тысяча золотых – солидная сумма. Даже если на двоих поделить, прилично выйдет. При этом, запугать наивного простачка – обычное дело. Но Петер таковым не был и имел приказ начальства. Поэтому сдаваться он не спешил. Разбойник глубоко вздохнул и проорал во всю глотку самое страшное в нашем королевстве слово:

– Предатели!!!!

Стражники побелели, а Петер продолжил созывать народ. Остановились спешащие по своим делам прохожие, выглянул из караулки начальник смены, высунулись из окон прочие горожане. Все знали, что молодой король Леонард считал измену самым страшным преступлением. За одни помыслы о ней можно было расстаться с жизнью. Однако за беспочвенную клевету – тоже. Обвинять кого-то без оснований, все равно что лезть головой в петлю.

– Что случилось? – подбежал к месту конфликта начальник смены, на ходу застегивая ворот рубашки.

Гордо выпрямив спину, Петер ответил:

– Я веду пойманную мной преступницу во дворец. Но ваши солдаты требуют, чтобы я отдал ее им. Подозреваю, что как только это будет сделано, девку развяжут и отпустят. А ну как эти сообщники и помогли ей в день смерти принца бежать из города!

Собравшаяся толпа загомонила, неприязненно косясь на солдат. Королевская семья пользовалась неоспоримой любовью народа. Ибо взошедший на трон правитель в считанные месяцы навел в стране необходимый порядок. Еще до этого он собственноручно изгнал или изничтожил обитающих в королевстве чудовищ. Истребил особо опасные банды, а затем лично каждый год охотился на обезумевших вепрей. В отличие от покойного отца, который никогда не высовывался из замка, Леонард не гнушался самостоятельно решать проблемы. Народ впервые за многие годы почувствовал себя в безопасности. Больше не горели дома, не зверствовали наместники, не угонялись в рабство крестьяне. Если же вдруг такое случалось, то люди знали: виновник будет жестоко наказан лично его величеством. Поэтому за своего короля горожане готовы были на многое. Например, мысль, что убийца принца может обрести свободу, заставила их обступить место конфликта плотным кольцом.

Под десятками суровых взглядов караульные испуганно переглянулись и начали с жаром оправдываться:

– Уважаемый нас неправильно понял! Мы имели в виду, что нельзя открыто через город вести убийцу во дворец! Люди ненавидят ее и могут закидать камнями! Нельзя, чтобы она получила такую легкую смерть!

Второй солдат истово кивал, подтверждая каждое слово.

Ловко выкрутились, нечего сказать. Начальник караула украдкой смахнул пот со лба и велел привести ближайший патруль. Через четверть часа шестеро солдат, заключив нас с Петером в кольцо, повели во дворец.

Толпа зевак двинулась за нами, гневно вопя что-то злобное. Меня раза четыре прокляли, а также раз пять пожелали помирать долго и мучительно. Остальные реплики носили исключительно ругательный характер. Когда караульные говорили про закидывание камнями, они не так уж и врали. Солдатам пришлось поднять щиты, после того как кто-то особо меткий попал мне в лоб. Но мы все-таки добрались до дворца.

На ступенях мраморной лестницы нас встречала лично ее величество. Ах, бедная Мира, что ж я с тобой сделала? Стоящая передо мной ссутулившаяся женщина с впалыми щеками и заплаканными глазами была, казалось, лишь бледной тенью прекрасной жены Леонарда. Статной гордой женщины с холодным взглядом. Когда-то первой красавицы королевства. Теперь она была разбита и сломлена своей печалью. Однако есть вещи посильнее горя. Едва Мира посмотрела мне в глаза, как спина ее вновь выпрямилась, а взгляд обрел остроту стали. Гнев, возвращенный на горе, может стать неплохой опорой в трудный час. Вплотную подойдя ко мне и ухватив холодными жесткими пальцами за подбородок, Мира гневно пообещала:

– Мы не будем дожидаться возвращения Леонарда! Завтра в полдень ты сгоришь! Я не дам тебе причинить еще больший вред моей семье. Да, тебе удалось прикинуться простушкой, втереться в доверие и околдовать моего мужа, убить нашего сына, но смерть развеет злые чары. Тебе не удастся погубить короля!

И отведав душу пощечиной, королева удалилась, велев бросить меня в тюрьму и готовить площадь к казни. Краем глаза я заметила, как Петеру швырнули положенный мешочек, и разбойник ловко затерялся в толпе. Что ж, по крайней мере, хоть кто-то в выигрыше.

После формального допроса и отказа от чистосердечного признания меня отвели в тюрьму. Дело оформляли с великой тщательностью, поэтому затянулась вся эта канитель до вечера. Видимо, чтоб у вернувшегося короля не возникло вопросов. В тюрьме мне выделили весьма уютную одиночную камеру, пол которой был устлан колючей соломой. На время допроса солдаты вынули кляп, но даже не подумали развязать. Правда, и проверять крепость пут не стали. Это было хорошо: Ворон не затягивал веревки, поэтому кисти просто затекли, а не отнимались. В сложившихся обстоятельствах это было хоть и маленькой, но радостью. Опустившись на пол, я легла на бок. Говорят, что за миг до смерти пролетает перед глазами вся жизнь. Однако времени у меня было несколько больше, поэтому события потекли плавной вереницей, нещадно всплывая в памяти...

Самое важное звено в цепи, приведшей к печальному итогу, появилось около двенадцати лет назад. В небольшом провинциальном городке был жаркий летний вечер. Мы с братом, получив деньги за очередную работу, сидели в таверне, думая, куда двигаться дальше. Страшно лютая банда, которую нас наняли уничтожить, на поверку оказалась кучкой полуспившихся отморозков. Для крестьян они, конечно, были стихийным бедствием, но мы добились их относительно легко. Стандартную плату за такие дела мы взять постеснялись, ибо толпа босоногих, запуганных людей и так еле сводила концы с концами. С голоду нам с Эрлом умереть не грозило, поэтому сей подвиг мы занесли на счет альтруистического повышения собственной репутации. Кроме того, боевой опыт лишним не бывает.

– Какие идеи? – спросил братец, едва закончив догрызать птичью ножку.

– В городе поговаривают, что у местного барона дочка заупырилась. Можно проверить, – пожалала я плечами, поглядывая в сторону дальнего столика.

Мое внимание привлек сидящий за ним парень. На вид он был не старше меня. Коротко стриженные черные волосы, элегантная эспаньолка и безупречные черты лица были мне весьма по душе. Судя по телосложению, а также куртке с петлицами для метательных ножей, перед нами был воин. Склонив голову на грудь и скрестив руки, парень спал. Или, по крайней мере, притворялся таковым.

– Уснула что ли? – ткнул меня собеседник.

– Что? – спросила я, понимая, что пропустила мимо ушей важную часть разговора.

Проследив, куда я пялилась последние несколько минут, братец хитро усмехнулся:

– Присматриваешь планы на ночь?

– Вот еще! – стушевалась я. – Просто красивый паренек. Почему бы не полюбоваться.

– Что, он даже симпатичнее меня? – Эрл откинулся на спинку стула.

– Я тебя как мужчину не рассматриваю.

Ответить мне не успели, так как дверь в таверну распахнулась, и на пороге возникла толпа весьма злых мужиков. Судя по гербам на латах, это были люди местного барона. Во всяком случае, на городских воротах я эту крылатую чахоточную лошадь и видела. Еще даже не сразу сообразила, что это гордый пегас.

Вновь прибывшие количеством десять штук оглядели таверну и уверенно направились к спящему. Шестым чувством предсказав развитие событий, прочие посетители заторопились на выход. Лишь мы с братом остались на своих местах. Благо наш столик располагался в противоположном конце зала.

Предводитель пришедших вытащил двуручник и без предупреждения напал на парня. Открыв глаза за пару секунд до удара, сидящий выхватил свой меч и легко отбил удар. Затем, вскочив на ноги, отшвырнул стул и крутанул пару восьмерок, как бы намекая, что не все так просто.

– Думал, не выследим тебя, мразь! – зло сплюнул ударивший. – Или возвращаешь статуэтку, или заберем ее у трупа!

Остальные в подтверждение намерений тоже достали оружие.

– У меня уже нет того, что вам нужно, – спокойно отозвался парень, оглядывая зал. Видимо соображал, что можно сделать в сложившейся ситуации. Хотя, что тут делать? Десять на одного, с мечами в полтора раза длиннее. Это было, как минимум, не честно, если не безнадежно.

– В драку ради него не полезу, – флегматично отозвался Эрл, словно прочитав мои мысли. Хотя за годы совместной работы мы научились понимать друг друга без слов.

– Да кто тебя просит? – бросила я и, выйдя на середину зала, обратилась к остальным. – Эй, мальчишки! А с дамой потанцевать не желаете?

Присутствующие удостоили меня взглядами.

– Уходите. Это не ваша битва, – пафосно изрек парень.

Угу, как же, битва... Намечающееся событие даже на драку-то не потянет. Будет вульгарное избиение. Моя совесть не позволяла пройти мимо такого безобразия. У брата же с этим было проще. Эрл, отвесив присутствующим благодарный поклон, не спеша вышел из таверны.

– Последуй за умным человеком, пока цела, – кивнул на дверь главарь нападавших. – Хотя, если тебе сильно хочется, подожди, как мы закончим. Потом уважим тебя, каждый по очереди.

С этими словами он развернулся и подло напал на отвлекшегося парня. Это в мои планы не входило. Мановением руки я отправила громилу в противоположную сторону. Так, опять промахнулась с расчетами. Сила Воздуха истрачена полностью.

Оставшиеся в строю переглянулись и разделились на две группы. Четверо направились ко мне, четверо развернулись к парню. Что ж, такое соотношение еще куда бы ни шло. Если он воин не хуже братца, должен отмахаться. А вот у меня с четырьмя противниками без Воздуха могли возникнуть сложности.

Сдернув со стены факел, я крутанула его над головой, и огненная воронка окружила меня непроницаемым коконом. Совершенно бесполезная вещь, но выглядит эффектно. По крайней мере, нападавшие приостановились. Я, конечно, рассчитывала, что Эрл все-таки вернется и вступится, но неизвестно, насколько его вредности хватит. Убить меня он, наверное, не даст, но проучить точно может. Поэтому мне нужно было экономить силы. Воздуха я по дурости уже лишилась. А без Огня на деревянном полу мне останется биться вручную. Как воин же я гроша ломанного не стою. Реакция у меня отвратительная. Так что тянем время, благо нападающие сомневаются.

Звон мечей, доносившийся из угла, пристыдил моих мальчиков, и они потихоньку стали сжимать кольцо. Дождавшись, когда они займут понравившиеся им места, я сосредоточилась и, бросив факел в одного, превратила свой кокон в огненное кольцо. В мгновение ока, оно, расширившись, достигло нападавших. У троих реакция была хорошей, а один пригнуться не успел: отвлекся на факел. Зато мое колечко зацепило одного из сражающихся в другой компании. Так что расклад снова был равный. По трое на нос. Кроме того, живые факелы внесли некоторую панику в ряды врага.

Воспользовавшись фактором внезапности, я выхватила свой меч и достала-таки одного зазевавшегося бойца. Его вопль заставил остальных обратить на меня должное внимание. Под напором двух нападавших я отступила к стене, защитив хотя бы спину. На то, чтобы отбивать удары, меня еще хватало, а вот на то, чтобы нападать самой – уже нет. Кроме того, меч потихоньку начинал тянуть недостаточно привыкшую к нему руку. Свой я в прошлой битве потеряла, поэтому разжилась первым попавшимся. Что ж, оставалось надеяться, что у Эрла в ближайшие пять минут проснется совесть.

Однако помощь пришла с другой стороны. Парень разобрался с двумя своими противниками и, увидев, что мои дела плохи, увернулся от последнего своего бойца и внес лепту в мой бой. Ловко переключив на себя внимание двоих нападавших, он существенно облегчил мне задачу. Один на один все-таки проще. Такими темпами можно продержаться еще минуты три. Мысль о том, что Эрл бросил меня на произвол судьбы, я старательно отгоняла прочь.

Увы, удача была не на моей стороне. Выбив меч из уставшей руки, боец подло пнул меня в живот, повалив на пол, и замахнулся для последнего удара. Но завершить замах не успел, обалдело уставившись на лезвие меча, торчавшего из груди. Когда воин завалился на бок, освободив мне обзор, я увидела, что парень, оставшись без меча, отступал под натиском разъяренного бойца. Беда в том, что двигался он в сторону приходившего в себя главаря, бессовестно провалявшегося без сознания всю драку.

Поднявшись на ноги, я сделала единственно доступное мне: запустила в поднимающегося противника стулом. Конечно, не особо попала, но парень хотя бы его заметил. Кувырком уйдя из-под удара, и разжившись по дороге мечом, виновник событий оказался предо мной, загородив от нападающих.

Тут дверь распахнулась, и к нам, наконец, присоединился Эрл. Подло напав на наших противников сзади и, стукнув головами друг об друга, он лишил их сознания. А затем весьма возмущенно спросил:

– Чего вы тут возитесь?! Там на подходе еще человек двадцать! Не успел я догнать того шустрого гада! Так что ноги в руки и сматываемся, живо!

Схватив чуть ли не за шкуру, братец поволок нас по направлению к черному ходу. Выбежав на задний двор, я несколько растерялась, сообразив, что таверна-то стоит недалеко от ворот, но, увы, не этой стороной. В городке мы с братом были впервые, поэтому слабо пред-

ставляли куда идти, но парень уверенно повел нас по лабиринту узких улочек. Затерявшись в них, мы оторвались от погони и, выйдя к воротам, затаились в тени двухэтажного каменного дома.

Перед воротами стояло около двадцати солдат в знакомой нам форме. Видимо, та подмога, не нашедшая нас в таверне и прозорливо решившая, что мы попробуем выбраться из города. Спрятаться в нем не вариант – слишком маленький, все на виду. Скорее всего, другой отряд уже начал прочесывать улочки.

– Что у тебя осталось? – спросил Эрл, осматривая народ из-за угла.

– Из полезного только Земля, – пожала я плечами.

– Недоучка бестолковая! – выругался брат. – Сколько раз говорил, рассчитывай силы!

– Если бы кто-то меня там не бросил...

– А если бы кто-то не лез не в свое дело...

– Тише! Нас заметят! – шикнул парень.

Мы послушно замолчали. Если бы у меня был Воздух, можно было бы выбраться с любой стороны города, банально перелетев через высокую стену. Сейчас же Огня осталось на два-три бойца, а Земли хватит не больше чем на восемь. Конечно, при таком раскладе с ожидающими мы справимся, но, когда на шум заварушки подтянутся еще, нам крыть будет нечем.

– Чем ты им так насолил? – вдруг спросил Эрл.

И парень, не лукавя, совершенно спокойно ответил:

– Местный барон унес из деревни магическую статуэтку хранителя. Для своей личной коллекции. А я украл ее.

– Чего ж тебя в город понесло?

Не отрываясь от созерцания толпы, вор ответил:

– В таверне я передал статуэтку одному из жителей. Мне нужно было потянуть время, чтобы он смог уйти и спрятать ее.

– И каков был твой план побега? – поинтересовался Эрл.

– Никакого, – пожал плечами парень.

– Теперь я понимаю, чем он тебе понравился, – проворчал мне братец. – Дурак дурака всегда заметит и за ним в петлю сунется.

В беседу я не вступала, внимательно изучая обстановку, поэтому сказанное, как всегда, прошло мимо ушей. Моих. Однако парень все прекрасно услышал.

– Кстати, это было совершенно напрасно. Я прекрасно справился бы с этими отребьями сам.

– Эрл, как думаешь, если уронить ворота, мы успеем добраться до озера? – спросила я, не обратив внимания на реплику.

– Нет, только не это!!! – чуть не завопил брат.

Но выбора у нас уже не было: вышедшая с другой стороны улочки группа нас заметила. Пришлось из двух зол выбирать меньшее.

– Давай! – крикнул Эрл.

Хорошо, что город был обнесен частоколом, а не каменной стеной. С ней бы мой фокус не прошел. А так шоу удалось на славу. Небольшие трещины, возникшие в земле, пошатнули столбы, на которых крепились ворота. Легкий толчок и створки завалились на стоящих под ними людей, посеяв панику.

Не теряя времени, братец закинул обмякшую меня на плечо и побежал вперед, стремясь выскочить из города под прикрытием пыли и беспорядка.

Очнулась я уже под водой, подсознательно воззвав к Стихии и попросив ее о помощи. Вода, подвластная мне, сама несла нас, щедро делясь воздухом. Так что на поверхности не было видно даже ряби. Преследователи кинулись дальше в лес, а мы неспешно поплыли на другой край озера. Противоположный берег был довольно далеко, поэтому там нас не найдут.

Моих сил хватило на две трети пути, а дальше я снова стала терять сознание. Эрл, внимательно следивший за мной, вытащил нас вверх за секунду до того, как Стихия меня оставила. Последнее, что я услышала, были слова брата:

– Тащи ее к берегу. Я сам еле на воде держусь, а она меня точно когда-нибудь утопит.

Тогда мне стало понятно, почему он так не любит подобные способы бегства...

Вдруг от воспоминаний о прошлом меня отвлек лязг внешней тюремной решетки, нещадно вернув в действительность. Тихонько приоткрыв глаза, я посмотрела на источник шума. Перед камерой стоял худенький лопухий мужичок лет пятидесяти. Особенно ярко в его облике выделялась лысина и тонкий крысиный нос. Я мысленно застонала: только королевского писаря мне не хватало для полного счастья. Если бы мне предложили быть сожженной прямо сейчас, вряд ли бы отказалась. Гарольд имел тонкую душевную организацию, тягу к стихосложению и абсолютное отсутствие таланта. Когда-то я имела неосторожность выслушать одно из его произведений. После этого спасенья мне не было. Гарольд решил, что мое внимание к нему – признак равнодушия. Я пережила гнусавые серенады под окном и любовные стишки, пачками ложившиеся под дверь вместе с охапками цветов. На посылы, как на косвенные, так и на прямые, кавалер не реагировал, объясняя мне, что я просто боюсь своего счастья. Эрл над ситуацией открыто потешался, категорически не желая в нее лезть. Свои родственные связи мы не афишировали, но братец из вредности отказывался сыграть роль ревнивого уха-жера.

Мне совершенно не хотелось тратить свой последний вечер на этого несчастного. Поэтому я поспешно закрыла глаза и попыталась притвориться спящей. Видимо, не успела.

– Любовь моя! Я не верю, что это правда, – прогнусавил Гарольд, прильнув к решетке. – Такое чистое создание как ты не могло убить невинное дитя! Завтра я расскажу об этом всем! Прямо на площади я зачитаю свое новое произведение, посвященное тебе! Силой слова я прожгу их сердца и открою им глаза на правду!

С досады я легонько тюкнулась головой об пол. Неужели на мне столько грехов, что простого сожжения моей судьбе мало? Обязательно необходимо пережить еще и публичный позор, а также повесить на совесть труп этого недотепы?

Вздохнув, я сказала:

– Гарольд, не надо. Тебя ведь могут обвинить в преступной связи со мной. Кстати, как тебе удалось сюда прийти?

Писарь улыбнулся, плотнее прильнув к решетке.

– Сегодня дежурит мой родственник. Уговорил пустить.

– Но если кто-то узнает о нашем разговоре, решат, что ты мой сообщник. Тебя сожгут вместе со мной!

Плечи Гарольда гордо выпрямились и, вскинув голову, он произнес:

– Пусть! Я с радостью разделю с тобой участь! А потом о нашей любви напишут балладу! И будут помнить вечно! Кстати, я сделал небольшой набросок.

С этими словами писарь полез в карман. Сообразив, что будет дальше, я в ужасе запричитала:

– Гарольд, не надо!

Но было поздно. Как известно, больше всего любят петь люди без слуха, но зато с отвратительно громким голосом. С поэтами ситуация та же. Прокашлявшись и приняв соответствующую позу, Гарольд начал:

– О, ты! Прекрасное созданье! Мой яркий луч, мой идеал! В твоей душе лишь состраданье! Таких, как ты, я не встречал! Ты подарила мне надежду на счастье, радость и покой! Наш океан любви безбрежный вдвоем переплывем с тобой!

Мне искренне хотелось подарить бедняге покоя вечного, утопив хотя бы в ведерке. И в принципе, перспектива совместного сожжения была уже не столь угнетающая, хотя я бы предпочла по отдельности, и чтоб этого недопоэта сожгли прямо сейчас.

Но, видимо, есть на свете справедливость. Или просто надо чего-то очень сильно захотеть, тогда сбудется. Поперхнувшись очередной строфой, Гарольд осел на землю, а из-за его спины вышел мужчина в знакомом мне черном костюме. Обрадовавшись возможности, я хотела произнести, наконец, три важных слова, но взглянув на руку парня, поняла, что бесптолку. Почерневшая ладонь явно доказывала, что я опоздала. Проклятье вступило в силу.

Молча подойдя к решетке, Ворон стал ловко орудовать отмычкой. Действительно, не соврал: много у него талантов. Осторожно, без лишнего шума открыв дверь, полуэльф, наконец, соизволил обратиться ко мне:

– Вставай, живо.

– Зачем? – поинтересовалась я, не спеша двигаться с места. – Хочешь выкрасть меня, а потом снова сдать короне за награду?

– Нет, – ответил он, останавливаясь на пороге. – Мне предложили за тебя кое—что большее, чем деньги.

– И что же?

– Мою жизнь.

– Это кто это так расщедрился? – удивилась я.

– Не знаю, но у меня есть неделя, чтобы привести тебя.

Час от часу не легче. Какой-то прямо нездоровый рост спроса на мою персону. Может, братец как-то узнал, что я влипла, и подсутил? Или же... нехорошее подозрение закралось в душу.

– Что именно тебе обещали за то, что приведешь меня? – спросила я, приподнимаясь.

– Избавить от проклятья, – ответил Ворон и подошел ко мне. – Так что хватит болтать, пошли.

Что и требовалось доказать.

– Спасибо, но мне и тут неплохо, – сказала я, отодвигаясь вглубь камеры. – А попробуешь увести силой, закричу.

Ворон озадачено захлопал глазами.

– Ты же все равно умрешь. Какая тебе разница, как?

– Не скажи, – покачала я головой. – Одно дело сгореть на костре и совсем другое попасть в вечное рабство к теневику. Подозреваю, что у него ко мне давние счеты, поэтому, извини.

Полуэльф явно не ожидал от меня такого ответа. Зло сплюнув, он заявил:

– Верно люди говорят. Дрянь ты и есть.

– Хороша песня! – усмехнулась я. – Сам меня продал, а теперь возмущаешься, что мне за тебя в петлю лезть не хочется?

– Ты загубила невинную жизнь и заслуживаешь наказания!

Я вздохнула.

– Не тебе об этом судить, это во-первых. Во-вторых, одно дело просто умереть, а другое пройти через ритуал. И, в-третьих, если отдашь меня в лапы того чудовища, то чем ты будешь лучше, чем я?

На несколько секунд мужчина задумался, но все же ответил:

– Я буду об этом сожалеть, но сделаю из необходимости. Во мне нуждаются, без меня люди пропадут.

Ответ меня задел, заставив пробурчать:

– А я, по-твоему, никому не нужная бесчувственная скотина. Спасибо, весьма приятно. Ворон молча опустился на землю: переговоры явно зашли в тупик.

– Что мне теперь делать? – обреченно спросил он.

– Попробуй попросить, – пожала я плечами.

– О чем?

– О помощи.

Полуэльф уставился на меня так, будто видел впервые.

– Ты можешь снять его? – ошарашено выдохнул он.

– Уже нет, – вздохнула я. – А вот если бы кто-то поговорил со мной на поляне, не сидел бы здесь со скорбной миной.

– Так ты знала, о проклятии? – изумленно выдал полуэльф.

– Еще бы! Своими глазами видела, как ты камень схватил. Он был проклят, – я все-таки сказала то, что хотела.

Услышав это, Ворон схватился за голову.

– А я-то еще думаю, зачем мне такой большой срок дали! Ведь он же просто сказал: «верни то, что принадлежит мне»!

– Где камень? – встревожилась я.

– Продан, – полуэльф сокрушенно развел руками.

– К сроку найдешь?

– Нет. Купец уже отбыл в неизвестном направлении, – Ворон обреченно посмотрел на свою почерневшую кисть.

Его жалкий вид заставил меня мягко сказать:

– Ладно, давай договоримся. Ты вытаскиваешь меня отсюда и больше не пытаешься заработать на сдаче кому бы то ни было. Я в свою очередь отведу тебя к тому, кто сможет помочь. Все честно: жизнь за жизнь. Идет?

Ворон пристально посмотрел мне в глаза и спросил:

– Скажи, ты раскаиваешься в содеянном?

Похоже, для него это было важно. Помедлив пару секунд, подбирая верный и правдивый ответ, я сказала:

– Мне искренне жаль, что принц умер.

Видимо, не совсем то, что ожидалось. Все также тихо Ворон спросил:

– Я могу тебе доверять?

– У тебя есть выбор? – чуть не усмехнулась я.

Вздохнув, полуэльф поднялся и развязал мои путы. Перед уходом я собственноручно затащила бесчувственного Гарольда в камеру и закрыла дверь. Не хватало еще, чтоб этого страдальца обвинили в моем побеге. Ворон, наблюдая за моими манипуляциями, поинтересовался:

– Что, спасаешь мужчину всей своей жизни?

– Не хочу вешать лишний труп на совесть, – предельно честно ответила я.

В тюрьму Ворон проник через потайной ход. Один из кирпичей оказался рычагом, открывающим часть стены. Я отметила про себя, что полезно иметь знакомства в воровском мире: тайный выход из замка мне теперь известен. Пропетляв по узким душным ходам, мы вылезли из весьма большой норы в лесу за городом. Как только я выбралась, Ворон закидал проход ветками и активировал амулет.

– Часто ходом пользуешься? – невзначай поинтересовалась я.

– Случается, – кивнул он.

Отойдя от города на приличное расстояние, мы устроили ночлег на небольшой поляне. Ворон достал из тайника пару одеял, котелок, мешочек крупы и развел костер. Вот тут мне действительно стало ясно, что значит фраза «это мой лес».

Умывшись и напившись из родника, я почувствовала себя гораздо лучше. Верно говорят, никогда не надо терять надежду. Голоса Стихий вновь звучали во мне, наполняя сердце радостью. Я как будто увидела мир заново, восхитившись его невероятной красотой.

Приготовив ужин, полуэльф разложил его по тарелкам. Отставив свою порцию в сторону, я слевитировала нож Ворона и, чуть прорезав запястье, накапала немного своей крови парню в кашу. А в ответ на возмущенный вопль пояснила:

– Кровь стихийника замедляет действие ядов. А теневое проклятие, по сути, тот же яд. Считай, что ты заражен смертью, которая медленно отравляет твоё тело. Причем ты заразился от источника, и моя кровь тебя бы даже излечила. Но теперь уже поздно.

– Хочешь сказать, что там, на поляне, ты хотела мне помочь? – удивленно спросил он.

– Да.

– Но почему? Ведь я же вел тебя на смерть.

Интересно, он действительно считает меня такой сволочью? Мол, раз мне плохо, то и всем остальным пусть хуже будет? Однако уточнять это я не стала, ответив нейтрально:

– Ты действовал по своим принципам. Кроме того, был шанс, что ты согласишься на обмен жизни на жизнь.

Ответ Ворона удовлетворил, и он даже потянулся за тарелкой, но на полпути его рука остановилась. Пристально посмотрев на меня, он вдруг сказал:

– Слушай, а я ведь так ни разу и не спросил, как твоё имя.

Мне стало смешно. Мы уже успели и в одной постели поваляться, и побыть и друзьями, и врагами, а он еще только имя спрашивает.

– Лиона, – отсмеявшись, ответила я.

Глаза Ворона чуть ли не на лоб полезли:

– Та самая Лиона-стихийник?

Ну да, один и один легко складываются в двойку. Взяв свою тарелку, я ответила:

– Во всяком случае, об еще одной я не слышала. Но о своем прошлом ни вспоминать, ни говорить не намерена.

Правильно поняв намек, полуэльф вернулся к ужину, и я последовала его примеру. Единственным, что нарушало тишину в дальнейшие пятнадцать минут, был треск костра да стук ложек по тарелкам. Как ни странно, еда была вполне вкусной. А может, просто я здорово проголодалась, ибо смела все без остатка и даже вычистила котелок. Затем по походным правилам вымыла посуду: кто не готовит, тот обрабатывает. Убирая тарелки обратно в тайник, Ворон радостно заметил, что рука вернулась в свое обычное состояние. Но я слегка омрачила его веселье, сказав:

– Не радуйся раньше времени. Это всего лишь отсрочка. Тебе нужен эликсир из крови истинных детей стихий.

– Я так полагаю, ты знаешь, где его можно взять? – спросил Ворон, разворачивая одеяло.

– Да, в горах на..., – я покрутила головой и лягнула наугад, – востоке отсюда живет мой наставник. Он обучал меня когда-то разговору со Стихиями и зельеваренью. Абсолютное противоядие – его собственное изобретение.

– Замечательно, – улыбнулся полуэльф. – Только на востоке гор нет. Есть или на юге, или на западе. Нам куда?

Чтоб я знала... Во время походов маршруты всегда прокладывал брат, он же ориентировался и по картам, и на местности. А я шла, куда сказано, и не нагружала голову лишними проблемами. Поэтому горы для меня в любой стороне света были одинаковыми. Однако для этих ориентир найти было можно.

– Для начала нам нужно в деревеньку Притулку, – ответила я. – Знаешь, где это?

– Да, – кивнул Ворон.

Вот и великолепно. Определившись, что утром дойдем до лагеря, а завтра двинемся в путь, мы стали укладываться.

Ночью полуэльфу снова приснился кошмар. Хорошо, что защитный полог гасил звуки, иначе бы на вопль сбежалась вся местная живность.

– Опять то же? – спросила я, подавая ему флягу.

– Нет, – Ворон жадными глотками ополовинил емкость, а остальное выплеснул на лицо. –

Это был тот теневик. Обещал найти меня, «из-под земли достать».

На это я лишь усмехнулась:

– Не бери в голову. Просто злитесь: почуял, что с проклятьем что-то не так. Когда совсем тебя вылечим, отстанет, а пока может вот так вот трепать нервы. Запугивать.

– Ты действительно знаешь, кто он? – спросил Ворон, посмотрев на меня.

Я неопределенно пожала плечами.

– Из того, что он меня не любит, можно заключить, что мы знакомы. Но когда-то наша компания перебила их Орден, так что, может, и не лично.

Полуэльф лег на бок и вдруг спросил:

– Почему ваш отряд распался?

На это я выдала услышанное от брата и очень нравившееся мне объяснение:

– Повзрослели и решили, что не солидно больше по стране мотаться.

– И где теперь твои друзья? – поинтересовался полуэльф, кладя руку под голову.

Грустно вздохнув, я ответила:

– Кто-то умер, кто-то женился, а кто-то охраняет покой его величества. Меня же в няньки пристроили.

Ворон удивленно приподнял бровь.

– Я бы понял, если бы ты была телохранителем принца. Но стихийника сделать няней...

– Скажем так, я совмещала обе должности. Наше умное и экономное величество убил мной двух зайцев.

– А ты убила его сына, – тихо сказал Ворон.

Да чтоб тебя! Такая щепетильность кого хочешь достанет! С трудом подавив желание высказать все, что думаю, я лишь спросила:

– Слушай, какое из слов «Лиона убила ребенка» тебя больше всего раздражает?

– Все три.

– Хорошо, если тебе так будет проще, считай эту смерть несчастным случаем.

Ворон хотел что-то ответить, но мне эта беседа надоела. Я отвернулась и закуталась в одеяло. В конце концов, кто он такой, чтобы перед ним открывать душу? Настаивать полуэльф не стал, а просто пожелал добрых снов. Но увы, не сбылось. Весь остаток ночи мне снился мертвый принц. С неммым укором смотрел он на меня, будто спрашивая: «За что? Как ты могла?» Как-как? Легко и просто. Кап и все.

Проснулись мы рано, наскоро позавтракали и собрались в путь. Ночью прошел дождь, поэтому воздух был холодным и влажным. В верхушках деревьев шелестел ветер, внизу же было тихо, но промозгло. Из одежды на мне была только тюремная роба: мешок с прорезями для головы и рук с небольшой накидкой на плечах. Дешево и сердито: узник одет и ладно. Ни удобства, ни тепла. Едва мы затушили костер, я стала ощутимо мерзнуть. Глянув на дрожащую меня, полуэльф полез в тайник и вытащил комплект штаны-рубашка-куртка.

– Придем на место, вернешь, – предупредил он, подавая мне одежду. Без раздумий согласившись, я поскорее схватила вещи.

До лагеря мы добрались без приключений, если не считать выломившегося прямо на нас кабана. Я, как всегда, шла, задумавшись о вечном: о проблемах, судьбе и прочей подобной дури. Поэтому выскочившая на тропинку хрюшка улетела на сосну даже раньше, чем я успела сообразить, что произошло. Бездумная магия, как всегда, забрала всю силу Воздуха, поэтому обмякшую тушу пришлось снимать Ворону. Мое предложение оставить ее там, где висит, вернее, лежит, полуэльф категорически отверг. Ибо «ты что! Это же ужин на всех моих людей!» Я же отвергла его просьбу помочь дотащить мясо до лагеря. И не из вредности, а потому, что

сама еле на ногах стояла. Но Ворону было проще принять первую причину, поэтому, обиженно насупившись, он соорудил из веток волок и потащил добычу сам.

Разбойничья братия встретила меня на удивление тепло. Видимо, их факт детоубийства нисколько не тревожил. Едва мы вошли в пещеру, как к нам подошла Тира и радостно стиснув меня в объятиях, запричитала:

– А мы уж думаем, не случилось ли чего! Петер уж давным-давно вернулся, а вас все нет и нет!

Выпугавшись из ее теплой хватки, я озадачено посмотрела на Ворона, но тот, велев женщине подобрать мне одежду, ушел к озеру. Взяв меня под локоток, Тира повела к портному. Такое изменение отношения меня слегка удивило. А заданный вопрос насторожил еще больше.

– Что, страшно было в тюрьме? – сочувственно спросила толстушка.

– Да, – осторожно ответила я.

– И как ты только согласилась на эту авантюру! Я бы ни за какие коврижки... Нет, Ворону я, конечно, верю. Но вдруг бы его поймали, или еще что...

Я ничего не поняла, но решила не уточнять, неопределенно пожав плечами. Хороший жест. Часто выручает. Портной тоже преподнес сюрприз, сшив одежду совершенно бесплатно. Вернее, он опять подогнал надетое. И когда я пришла в комнату, отдохавший на лежаке Ворон разразился праведным гневом:

– Ты скоро весь мой гардероб перетаскаешь! Я же просил подобрать тебе одежду, а не портить мою!

– Вряд ли бы мне нашли более удобную походную куртку. Она просто прелесть, – улыбувшись, я провела рукой по мягкому рукаву. Куртка действительно была что надо: из прочной, но удивительно легкой немаркой ткани. Для теперешней дневной жары и утренне-вечерней прохлады – в самый раз.

– А то я не знаю! – пробурчал бывший хозяин моей обновки, поднимаясь с лежака. – Имей в виду, это в последний раз!

Я никогда не любила несправедливые намеки-упреки. Поэтому тут же отреагировала:

– Как будто я сама без одежды остаюсь! Между прочим, добровольно я еще ни разу не раздевалась!

– Так уж и ни разу? – спросил полуэльф, вытаскивая из-под лежака какой-то ящик.

– Пошляк! – ляпнула я. Зря!

Под непонимающим взглядом Ворона мне сперва стало стыдно, а затем смешно. Надо же, я так привыкла к однобоким подколкам брата, что, похоже, уже сама стала мыслить только в одном направлении.

– Я вообще-то имел в виду... – начал было полуэльф, но я поскорее прервала его:

– Кстати, а на какую это авантюру меня угораздило согласиться? И когда?

Подействовало. Ворон вздохнул и, открыв ящик, ответил:

– Не мог же я признаться, что пошел сдавать тебя властям. Вот и придумал, что продам, а потом вытащу.

– А что бы сказал, вернувшись в одиночестве?

– Что не повезло, – сказал полуэльф, роясь в ящике.

Очередное противоречие заставило меня уточнить:

– Слушай, если твои взгляды так отличаются от взглядов твоей банды, чего ты с ними возишься?

– Они моя семья. И другой у меня нет, – с этими словами Ворон протянул мне пару вполне удобных на вид ботинок. – Примерь пока. А я пойду, распространю легенду о предстоящем путешествии.

Взяв обувку, я села на стул и поинтересовалась у уходящего:

– И какая она? Вдруг спросят, а я что-то не то ляпну.

– Мы с тобой собираемся немного погулять по крупным городам и помошенничать. Якобы, наконец, нашел толковую напарницу для давно созревшей идеи.

Засим, оставив меня одну, вождь ушел в народ. Я же, удовлетворившись замечательными ботинками, скинула их и переместилась на лежак, собираясь отдохнуть минут пятнадцать. Завтра на рассвете мы отправляемся в путь. Сколько он займет, я не знала, но отвести Ворона к дедушке Фею нужно было до возвращения короля. Потому что помощь ближним – это хорошо, но и о работе забывать нельзя. Конечно, есть братец, но перекладывать на его плечи свои заботы нечестно, да и вряд ли он справится. Опять не вовремя эта охота случилась!

За размышлениями я не заметила, как задремала. Только сквозь сон почувствовала, что кто-то накрыл меня одеялом и затушил светильник. Приятное тепло окончательно убаюкало, и я крепко заснула.

Мне снился мой последний бой. Жестокое сражение за собственную жизнь. Когда своими руками я убила того, кого, казалось, любила. Тогда прекрасная сказка оказалась злым фарсом, в котором меня разыграли, как пешку на доске. Я вновь вернулась в то ужасное время, когда преданная, растоптанная и израненная лежала на холодном каменном полу, плача от бессильной злобы и ненависти.

У всех есть свои ночные кошмары. Оказывается, я тоже не умею отпускать прошлое.

В ДОМ НАДЕЖДЫ

Проснулась я, судя по всему, через несколько часов. Несмотря на одеяло, в постели было холодно, так что она была оставлена без сожаления. Вспомнив, где нахожусь, и какую роль исполняю, я поплелась к Рою.

В основной пещере царила радостная суета. Разводили большой костер, таскали бочки с вином, накрывали столы. На складе тоже былолюдно. Разбойники заносили внутрь мешки

с провиантом, а полугном разбирал их и пересчитывал. Увидев меня, он приветливо помахал рукой:

– Вот видишь, сколько полезного за тебя получили! Теперь перезимуем!

Я уважительно покачала головой.

– Впечатляет. Рой, а что сегодня вечером намечается?

– Небольшой праздник по поводу удачного завершения вашего с Вороном дела, а заодно проводы в завтрашний путь.

Прикинув, что ужин готовить не надо, а слоняться без дела тоже не хочется, я предложила:

– Может, тебе помочь чем?

Полугном и не подумал отказываться.

– Рассортируй во-он тот мешок? – с хитрой улыбкой сказал он.

Так, всякими мелочами, Рой занял меня до самого ужина. Перетаскав кучу мешочков-горшочков, вымазавшись в муке и протекшем варенье, я уже пожалела о своих альтруистических намереньях. В довершении всего, лопнул мешок с картошкой, и она радостно раскатилась по полу. Пришлось собирать. Поэтому, когда к складу подошел Ворон, я ползала где-то под столом.

– Рой, ты Лиону не видел? – обратился к полугному вождь.

– Кого? – не понял тот.

– Мою женщину зовут Лиона! – чуть повысив голос ответил Ворон. – Как ты с ней общался, не зная имени?

– Тебе это тоже сперва не мешало, – я на секунду высунулась из-под стола.

Полуэльф шарахнулся при виде меня, как древень, ошарашено выдав:

– Ты что тут делаешь?!

– Опять сперла колбасу, обрабатывает, – зачем-то соврал Рой. Причем, быстрее, чем я успела рот открыть.

Пристально посмотрев на недоумевающую меня, полуэльф усмехнулся и велел:

– Заканчивай быстрее и иди переодеваться. Скоро ужин.

Едва он ушел, я накинулась на Роя:

– И зачем было врать про колбасу?

– Потому что заставлять тебя работать никто, кроме Ворона, не имеет права, – проворчал он.

– То есть просто так я помочь не могу?

– Да ты за меня, почитай, все сама сделала! – ответил он, забирая у меня остатки картошки. – Это не помощь, это работа. А у нас принято работать за услугу или за провинность. Строгие правила – гарантия порядка. Ладно, иди отсюда, приводи себя в порядок.

Не став спорить, я сперва направилась к озеру, а оттуда, умывшись, пришла в комнату. На кровати меня ожидало весьма симпатичное платье, а на полу лежали высокие кожаные сапоги на шнуровке. Рядом стоял Ворон, застегивая пуговицы белоснежной рубашки. Видимо, тоже решил переодеться к ужину.

– Ну как, наработалась? – улыбнулся полуэльф. – Рой – жук хитрый. Небось, попросил только мелочь какую-то, а потом сама не заметила, как припахали по полной?

– Типа того, – сказала я, опускаясь на стул.

– Ну, теперь будешь знать. А пока одевайся, – кивнул на лежак Ворон. – Все-таки праздник.

Снова галантно отвернувшись, полуэльф подождал, пока я натяну платье. Сшитое из темно-красного шелка, оно идеально сидело по фигуре, благо последняя имелась. Зашнуровав сапоги, я обратилась к Ворону:

– Готово.

Повернувшись, он придирчиво осмотрел меня с ног до головы, а затем полез на полку. Открыв одну из книг, полуэльф достал спрятанную в прорезанном тайнике алую подвеску на золотой цепочке. Повернувшись ко мне, Ворон чуть смущенно сказал:

– Амулет с ошейником к твоему платью не пойдет, а ведьму без контроля народ все-таки не примет. Несмотря на все твои заслуги.

– Так это же просто подвеска, – не поняла я.

– Но они-то этого не знают, – тихо ответил он. – Подними косу.

Застегнув цепочку и поправив кулон, Ворон протянул мне руку:

– Пошли?

Нас приветствовали так, как гости на свадьбе встречают новобрачных. Шумно и весело. Разбойничья братия, умытая и переодетая, искренне улыбалась. Женщины навели красоту и на лицах, и в пещере. Рядовые разбойники расселись вдоль стен на шкурах. Наши же с Ворон места были устроены шикарнее остальных: кроме шкур, тут были подушки. Пламя костра, разведенного в центре, радостно плясало отблесками на стенах. На импровизированных столах, покрытых скатертями, стояли бутылки с вином, тарелки с закусками, жаркое из кабана, несколько печеных куропаток, а также россыпи фруктов. Да, продуктов на праздник не пожалели. Здесь присутствовали все, и даже Рой вышел со своего склада.

Как только вино разлили по емкостям, гордо именуемым бокалами, Ворон поднялся для произнесения речи. Дождавшись, когда все увидят его и замолчат, полуэльф торжественно произнес:

– Братья и сестры! Сегодня произошло радостное событие: в нашей семье появился новый человек! Лиона прошла все испытания! Она показала, что доверяет хозяину дома. Она согласилась рискнуть своей жизнью ради общины, а также выразила желание и дальше способствовать ее процветанию. Давайте поднимем бокалы за нашу новую сестру!

А я-то и не знала, какая я хорошая. Оказывается, доверяю, рискую, желаю способствовать. Гулкий чок прошел по кругу, и на этом официальная часть закончилась. Дальше разбойники ели и выпивали без тостов, общаясь между собой.

– Куда вы завтра отправитесь? – поинтересовалась сидящая рядом Тира.

– Думаю, на запад, – ответил Ворон, отдирая ножку куропатки. Опробуем план в среднем городке, а потом двинемся в более крупные.

– Да, с такой ладной девкой может и сработать, – сказал Петер, вытирая о рубашку солевые пальцы. – Вполне потянет на несчастную баронскую дочку. Кожа у нее гладкая, ручки нежные, зубки белые.

Благодаря последней характеристике, я почувствовала себя лошадью на рынке. Решив, что эпитетов мне хватит, я пихнула локтем Ворона, как бы намекая, чтоб сменил тему. Но полуэльф, в результате облившийся вином, лишь укоризненно покачал головой. Мельком взглянув на его ладонь, я накрыла ее своей и утянула под стол, чтобы не пугать народ. Действие моей крови ослабло, и рука начинала чернеть. Нужна была новая порция.

– Ножик подай, – шепнула я Ворону.

Посмотрев на свою ладонь, которую я не позволила вытащить из-под стола, полуэльф охнул и достал из-за голенища нож. Незаметно стащив со стола бокал, я накапала туда несколько капель. Ворон без вопросов выпил, долив вином, и через несколько секунд рука пришла в норму.

– Слушай, а ты не боишься, что кто-нибудь тебя украдет и пустит на противоядия? – полушутя спросил он.

– Нет, – я засмеялась. – Магия Стихий действует, если носитель крови действительно желает помочь.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Ворон.

– Обращайся, – мило улыбнулась я в ответ.

Ужин по реке вина плавно стек в концерт. Под еле слышный аккомпанемент гитары пьяные глотки орали песни, не попадая ни в ноты, ни в слова, зато искренне и от души. Воспользовавшись тем, что на нас никто не обращает внимания, мы с Вороном ускользнули в свою пещеру. В отличие от разбойников нам завтра вставать ни свет, ни заря.

Усевшись на лежак, я с наслаждением скинула сапоги. Красивые, но жутко неудобные и уже собиралась скинуть платье, переодевшись обратно в свой костюм, но глянув на переодевающегося Ворона, обомлела. Полуэльф стоял ко мне спиной, и в этот раз, когда он скинул рубашку, я все-таки не смогла сдержать потрясенный вздох. Если на груди было просто много мелких шрамов, то спина представляла собой весьма осмысленное сочинение. Грубо, но читаемо было выведено: «Я ублюдок, сын шлюхи и позор семьи».

Не оборачиваясь, Ворон грустно сказал:

– Творчество отчима. Братья были менее изобретательны.

– Понятно, – ответила я, скидывая платье и напяливая рубашку.

Одна фраза – четыре судьбы. Я ясно увидела зеленоглазую эльфийку, сраженную чарами прекрасного воина-любownika. Увидела ее мужа, надменного эльфа с холодным властным взглядом. Детей, похожих на него, как две капли воды. И черноволосого гадкого утенка. Заклеванного, забитого, который, в худшем случае, рос еще и без матери, а в лучшем, получал лишь безмолвное утешение. Хотя, какое из двух зол меньшее, сразу и не скажешь. Вот она, цена мимолетной измены или запретной любви. Люди к полукровкам относились терпимее, но не нам выбирать, где родиться.

Закутавшись в отдельное одеяло, захваченное Вороном из леса, я лежала, уткнувшись носом в стену, и вспоминала свое детство. Когда-то оно было вполне счастливым. Мама и папа вели небольшое хозяйство, кое-как, но кормящее семью. Мы со старшим братом помогали родителям в поле, рыбачили, ходили в лес. Жили дружно, весело, но небогато. Хотя в нашей деревеньке все были такими же. Тихо живущими мирной сельской жизнью и не желающими ничего иного. Но однажды к нам пришел странник. Бывший воин, уставший от лихой судьбы и жаждущий тихого приюта. Чем-то наша Притулка ему понравилась, и он остался у нас кузнецом, удачно сменив спившегося.

На моего брата пришелец произвел неизгладимое впечатление. И с тех пор Эрл в любое свободное время повадился помогать воину в работе. Со временем они подружились. Кузнец рассказывал моему брату о своей жизни и даже тренировал его, учил обращаться с мечом. Так незаметно для окружающих он разжигал в груди тогда еще мальчишки пламя мечты. Я же чаще помогала родителям и лишь иногда присутствовала при рассказах. Но, в отличие от брата, не находила в них ничего завораживающего.

В день своего шестнадцатилетия Эрл получил подарок от его величества – повеление явиться в столицу для обучения воинскому делу. Тогдашний король Деодан готовился к войне с Майроном, поэтому все, достигавшие боеспособного возраста, проходили курс начальной подготовки. И примерно в то же время во мне проснулись голоса Стихий.

День своего истинного рождения я запомнила на всю жизнь. Тогда мы с друзьями пошли в лес, насобирать диких яблок. Карабкаться на верхушку огромного раскидистого дерева выпало мне. Что ж, жребий есть жребий. Я скидывала плоды в подставленные ладони, постепенно забираясь почти на макушку, чтобы добраться до самых спелых яблок. Обобрав один край дерева, я собиралась перейти на другой, как вдруг прямо около моей руки из листвы вынырнула змея. Отшатнувшись от неожиданности, я грохнулась с ветки, успев только подумать, что змея-то была не ядовитая. Вдруг, за пару секунд до удара оземь полет остановился, и меня плавно опустило на траву. Но не успела я порадоваться, что осталась цела, как жизнь решила это исправить. Друзья ошарашено тарасились на меня несколько мгновений, а потом кто-то крикнул:

– Бей ведьму!

В меня полетели скинутые мной же яблоки, порождая боль и звериный страх. Не дожидаясь, пока плоды сменятся камнями, я кинулась, куда глаза глядят. Тогда мне некогда было обращать внимания, но все же помню: ветки кустов расступались передо мной и, ни разу не споткнувшись, я сбегала. Сердце бешено колотилось, было тяжело дышать, но бег не замедлялся. Лишь споткнувшись, я остановилась. И мне было все равно, что будет: встать не было сил. Лежа, уткнувшись носом в землю, я покорно ждала судьбу. Но она так и не пришла. Только через пятнадцать минут я, наконец, смогла поднять голову и оглядеться. Со всех сторон были кряжистые деревья, густые заросли кустов и ни намека на тропинку. Паника заколотилась в груди с новой силой: мне ни разу не приходилось быть одной в лесу, без малейшего понятия, в какую сторону двигаться. И тут в голове всплыла когда-то услышанная от кузнеца фраза: «Страх – это самый страшный и подлый враг. Убьешь его – сможешь победить. Нет – оставь надежду». В этот же момент неизвестно откуда взявшийся ветерок ободряюще вздохнул челку, и мне почудилось, будто кто-то обнял меня за плечи. Кое-как успокоив стучащее в горле сердце, я нашла в себе силы встать и, наугад выбрав направление, попробовала сделать шаг. Не тут-то было. Протянув руку, я еще раз убедилась в наличии перед носом невидимой стены, не дающей идти. И как ни странно, меня это не испугало. Наоборот, с каждой секундой на душе становилось все спокойнее.

Опробовав еще несколько направлений, мне удалось найти открытое, и Воздух вывел меня к горам, расположенным за лесом, неподалеку от нашей деревни. У их подножия весело журчал родник. Напившись, я почувствовала себя намного лучше. Вода освежила меня и наполнила новыми силами. Увидев же появляющуюся в горе лестницу, я, уже ни капли не сомневаясь, полезла по ней. Так Земля привела меня в небольшую пещерку. В середине горел костер, а рядом с ним спал мужчина в монашеской рясе. На вид ему было лет шестьдесят. Длинные седые волосы убраны в хвост, густая борода заплетена косичками. Будить человека было неудобно, поэтому я просто присела к костру. В лесу было ощутимо холодно. Протянув пламени озябшие руки, я увидела, как оно само тянется к ним. Это было так чудно! И самое главное, ни капли не страшно! Я опустила ладони ниже, и огонь ласково обвил их, не причиняя боли. Он тоже признал меня. В этот момент спящий открыл глаза, вскочил на ноги и, выхватив меч, грозно спросил:

– Кто ты?! Как вошла сюда?!

С перепуга я взмахнула руками, и пламя, повинувшись им, выросло на добрых два метра. Посмотрев на мою несчастную физиономию, мужчина опустил оружие.

– Да ты никак Огневик? – мягко спросил он. – Заблудилась что ли?

Сложив руки и успокоив этим костер, я кивнула в ответ на второй вопрос, проигнорировав непонятный первый. Мужчина усмехнулся и спрятал меч.

– Рассказывай, что с тобой приключилось, – велел он, сев напротив меня.

Блуждание по лесу в одиночестве не располагало к скрытности. Поэтому я честно поведала незнакомцу историю от момента падения до прихода в пещеру. По ходу рассказа брови слушателя поднимались все выше и выше.

– Живой стихийник! – только и выдохнул он, едва повествование закончилось. Я же почувствовала себя мышью под голодным взглядом дикой кошки. Но это длилось не дольше пары секунд. Моргнув, мужчина изменил выражение лица, приветливо улыбнувшись:

– Позволь представиться. Меня зовут Фей-Зельевар. Кроме того, я еще и Землевик.

– Лиона, – ответила я.

– Лиона-стихийник, – поправил меня Фей. – При знакомстве, у магов принято называть свою основную магическую принадлежность.

– А у ведьм? – наивно спросила я.

Мужчина засмеялся.

– Деревня ты! А ведь по речи и не скажешь. Ведьма – это ругательство, придуманное темными селянами для оскорбления тех, кто лучше их. Только у них есть ведьмы и ведьмаки. В просвещенном обществе нас называют магами.

Для себя я тогда решила, что звание ведьмы мне все-таки ближе. А за речь заочно поблагодарила кузнеца, который, проникшись теплым, почти отеческим чувством к Эрлу, и меня иногда воспитывал. Фей между тем продолжил:

– Ты можешь жить у меня в пещере. Сделаю тебе отдельную комнату.

Предложение было непонятным и даже пугающим, поэтому к согласию не располагало. Покосившись на выход, я попросила:

– Лучше покажите, как из лесу выйти. Я домой хочу.

На это мужчина отрицательно покачал головой:

– Пока не научишься управлять своими силами, домой тебе возвращаться нельзя. Случайная бесконтрольная магия может наделать много бед. В лучшем случае, тебя просто объявят ведьмой и сожгут, а в худшем – ты убьешь невинных.

Я непонимающе посмотрела на ласковое пламя и спросила:

– Как меня могут сжечь? Ведь огонь мне не вредит.

– Только если ты в силе, – пожал плечами Фей. – А повяжут тебя эльфийскими веревками, пиши – пропало.

Не знаю почему, но я была уверена – не врет.

– Что же мне теперь делать? – прошептала я.

– Если хочешь, могу взять тебя в ученицы.

Конечно, в свои двенадцать лет я была наивной деревенской девочкой, но благодаря тому же кузнецу и умному братцу знала, что просто так ничего не делается.

– Зачем это вам? – осторожно уточнила я.

Фей усмехнулся и откровенно ответил:

– Кровь стихийника – мощное противоядие, если она отдана добровольно. Хочу получать за твое обучение по несколько капель крови в день.

– И что вы будете с ней делать?

В глаза мужчины на миг сверкнул непонятный мне тогда огонек.

– Экспериментировать! – воскликнул он. – Я хочу создать абсолютное противоядие. У меня есть уже много идей, но не хватает элементов.

– Почему я должна вам верить?

В ответ на это Фей развел руками и сказал:

– Потому что сюда тебя привели Стихии. Не веришь мне, поверь им. Пока ты не встанешь на ноги, они будут оберегать тебя, как новорожденного младенца. Но это продлится недолго. Если к моменту взросления ты не научишься управлять силой, твой дар со временем исчезнет. Решившись же принять его, ты откроешь для себя массу возможностей. При желании, сможешь стать магом и помогать людям. А захочешь, просто вернешься в свою деревню и сможешь жить тихой и спокойной жизнью. Но послушай мой совет: лучше притворяться беспомощной, чем быть таковой.

Напоминание о доме потянуло за собой воспоминание о родных. Как они будут там без меня? Эрл уехал, я пропала... Подавив желание заплакать, я все-таки спросила:

– А как же родители?

Вздыхнув, Фей ответил:

– Лучшее, что ты для них можешь сделать – остаться со мной. Если твоим друзьям не поверят, тебя поищут в лесу, оплачут и забудут. Если же поверят – родителей изгонят из деревни или сожгут. Сейчас управление Стихиями тебе неподвластно, и они будут защищать тебя от любой опасности. Будь то брошенный камень или что-то похуже. Если вернешься сейчас, твои родные пострадают точно, если нет – есть шанс.

Поразмыслив некоторое время, я ответила:

– Согласна.

– Хорошо, – сказал Фей и полез в карман. Вытащив оттуда пустую склянку, он вытащил из-за голенища ножи и отдал все мне со словами:

– Прошу внести аванс.

Так родилась Лиона-стихийник, которая много позже под покровом ночи все-таки вернулась в родную деревню, но увидев пепелище на месте родного дома, решила стать той, кем ее считали. Ведьмой.

Ворон разбудил меня на рассвете и даже накормил нехитрым бутербродным завтраком. Когда мы покинули пещеру, обитатели ее еще спали. Причем, большинство прямо за пиршественными столами. Разъезжать по трактам мне было опасно, поэтому идти решили лесом. До моей родной деревни было несколько дней пешего пути. Выбрав устраивающий обоих темп, мы двинулись по тропинке в чашу. Долго молчать полуэльфу, видимо, было скучно. Поэтому уже минут через двадцать от начала похода, он попросил:

– Расскажи о своем наставнике. Мне же интересно, к кому ты меня ведешь.

– Зовут его Фей-Зельвар, – ответила я, сказав самое главное.

Имя ожидаемо произвело впечатление, но не то, которое должно было бы.

– Тот самый шарлатан?! – удивленно возопил Ворон.

– Почему шарлатан? – не поняла я.

– Потому, что обещает абсолютное исцеление от чего угодно! А это чушь!

Знакомая песня. Зельвары нередко сталкиваются с подобным скепсисом. Причем, даже в тех случаях, когда предлагают вполне тривиальное лечение. У любой монеты всегда две стороны. Так вот в практике зельваров одна сторона – абсолютная вера, когда лечит даже обычная вода. Другая сторона – абсолютное неверие, когда не спасет и самое мощное зелье, если, конечно, не удастся влить его силой. Хотя, раз Ворон продолжал идти, то до второй стороны ему было далековато. Но даже возможная перспектива связывания полуэльфа и насильного разжатия рта мне не нравилась. Поэтому я решила действовать проверенным методом, чтобы точно исключить неприятную возможность. А именно, остановилась и сказала:

– Если не веришь, идти нет смысла. Давай я тебя просто убью. И мне мороки меньше, и ты мучиться не будешь.

– Я не не верю. Я сомневаюсь, – пробурчал Ворон, не останавливаясь. – Его обещания слишком уж сильно смахивают на сказку: чудеса за приемлемую цену. Но раз ты так в нем уверена, расскажи мне подробнее.

В принципе, я понимала Ворона. Слава о зелье дедушки Фея, как тот и хотел, распространялась по миру. Но пока к нему действительно шли только тяжелобольные люди. И зелье получило звание последней надежды. Для многих оно было просто чудом. Но беда в том, что многие верят в чудеса, только когда уже больше не во что. Да и попробуй прокричать на улице, что ты видел чудо. Тут же набегут скептики, завистники и просто скучающие. Поэтому слава о зелье шла рука об руку с очерняющими сплетнями. Но это не мешало отчаявшимся идти к Фею. Ибо на грани смерти, своей или близких, человек меняется. Он и от себя отречется, если очень жить захочется. И хоть я уже много раз убеждалась, что словами с общественным мнением бороться бесполезно, все же решила выполнить просьбу полуэльфа. Поправив неудобную ляжку сумку, я начала рассказ:

– Когда-то он был воином-Землевиком, но открыв в себе дар мага-Зельвара, ушел в отшельники. Большую часть своей жизни он посвятил своей второй натуре. Его зелья пользовались большим спросом. За абсолютное же противоядие многие вообще готовы были заплатить любые деньги. Но Фей не продавал и никому не открывал тайну рецепта.

– Почему?

– При незначительном усовершенствовании или ошибке в пропорциях оно становится мгновенно убивающим ядом, от которого ничто не может спасти. Фей побоялся, что его используют во вред людям. Это противоядие всегда готовится для кого-то и подействует только на него. Теперь представь, какое это раздолье для наемных убийц. Дегустаторы королевских особ будут бесполезны, убийца может пить с жертвой хоть из одного бокала, этим же, кстати, и подкрепляя свою невиновность.

– Зачем же он его вообще изобрел? – спросил Ворон, отмахиваясь от назойливо кружащей вокруг него пчелы.

Проводив улетевшее насекомое взглядом, я ответила:

– Во-первых, это было делом всей его жизни. А, во-вторых, он же не отказывает в его применении. Если никакое средство не может излечить, больному дают кровь стихийника и несут в специальный дом в Притулке. Там к нему приходит Фей. Конечно, это не всем по карману, но лучше так, чем никак. Кроме того, зелье готовится из крови драконов, русалок, пегасов и древней. Если об этом узнает народ, детей Стихий ждет истребление. Ради нескольких капель будут нещадно убивать.

Ворон невесело усмехнулся:

– Знаешь, я много раз слышал об этом «доме надежды», но никогда не думал, что придется идти туда самому. Мне сложно поверить, что Фей не обманщик. Но знаю, что ты не врешь. Тебе я верю.

И не дав мне ответить на огорошевшее заявление, полуэльф тут же поинтересовался:

– Когда ты видела наставника в последний раз?

Запихнув подальше заготовленную колкость про веру детоубийце, дряни и далее по списку, я просто ответила:

– Когда сбежала от него, не закончив обучение. Даже и не вспомню, сколько лет назад.

– Откуда же ты знаешь, что он еще жив и по-прежнему помогает людям? – не глядя на меня, спросил Ворон. – Может, его давно грохнули, и на его месте сидит какой-нибудь предприимчивый шарлатан?

– Я этого не знаю, но начинаю с самого простого пути.

Ворон удивленно посмотрел на меня:

– А есть еще и сложные?

– Да. Я могу приготовить зелье сама.

Полуэльф непонимающе захлопал глазами и уточнил:

– Ты же говорила, что Фей никому не открывал тайну рецепта.

– Но из этого не следует, что мне она неизвестна, – я снова поправила лямку сумки. – Не переживай. В конце концов, даже если мне придется варить это зелье, и я что-то не так сделаю, ты умрешь быстро. В любом случае, легче, чем от проклятья.

– Спасибо, утешила, – проворчал Ворон.

Видимо, подкинутая пища для размышлений заставила полуэльфа замолчать на пару часов, так что мне ничто не помешало закрыть глаза и на весь оставшийся путь полностью погрузиться в голоса Стихий.

Как и планировалось, к ночи мы достигли придорожной таверны. Крепенького серо-черно здания у поворота дороги. Чтобы не возникло проблем с моей засветившейся физиономией, Ворон снял с одного из своих тайников амулет, отводящий глаза. Теперь простые люди не видели меня, даже если смотрели в упор. Вернее, стоило им отвести глаза, как они забывали о моем существовании.

Беспрепятственно войдя в зал, мы огляделись. Из четырех имеющихся столиков свободным был только один. Оставив меня за ним, Ворон пошел к стойке договориться о ночлеге и заказать ужин. Неподалеку от нашего стола сидели двое мужчин. По виду, селяне, поговору –

тем более. Так как говорили они не особенно тихо, хочешь не хочешь, а беседа была слышна. Видимо, один из них был из столицы и пересказывал собирающемуся туда последние новости.

– Из-за гадины той все злющи ходють. Вот-вот короля ждуть, а убийца убегла, – фраза завершилась смачным стуком бокала об стол.

– Да как же ж? – сыто икнул второй.

– Так толковали ж, ведьма она. Еще когда король жениться на ней хотел. Околдовала мерзавка. Хорошо, друг тады открыл королю глаза на душу черную, заставил изгнать с глаз долой и увез ее, чтобы казнить в чистом поле. Но не вышло. Поговаривают, что она и его околдовала, а опосля со свету сжила. И ведь верно, вернулась стерва. Сперва думали, она королеву сжить хочет. Ан нет, на дите безвинном отыгралась.

– Че ж не прибили тады ишо? – спросил собеседник, ковыряясь мизинцем в зубах.

– Видать крепко короля зачаровала: поверил он лживым словам ее, что де жалеет и раскаиватся, де сбили с толку силы злющи. Говорят, убедительно в ножках валялась.

Попроклинав меня еще пару минут и попутно опустошив бокалы, селяне направились к выходу. Я же с удовлетворением отметила, что теперь подобные сплетни меня не задевали. Хотя, о последнем событии я еще ни разу не слышала. Надо же, оказывается, в ножках валялась.

Ворон, подошедший с подносом и услышавший часть разговора, спросил:

– И сколько там правды?

– Сколько ни есть, это тебя не касается, – ответила я, забирая к себе тарелку.

После ужина мы поднялись вверх в отведенную нам комнату. Как же я соскучилась по отдельной кровати! Когда никто не пытается стащить одеяло или случайно засветить локтем по лбу. На всякий случай, выдав болезному пару капель крови, я легла спать.

Меня опять разбудил крик среди ночи. И снова Ворон сидел на кровати, тяжело дыша, силясь вырваться из цепких объятий кошмара прожитых лет. Мне было больно видеть полуэльфа в таком состоянии. Тем более, если можно было помочь. Отогнав возникшие в душе сомнения, я подошла к нему и, сев рядом, провела ладонью по его щеке. Он повернул голову и посмотрел мне в глаза. Первый поцелуй остался без ответа, стесненный неожиданностью и сомнениями. Но подобно маленькому камню, катящемуся по склону, он вызвал лавину.

«Я не могу изменить твоё прошлое, но могу забрать твою боль. И пусть огонь выжжет ее, а ветер развеет пепел. Прах упадет в землю и, напоенная дождем, она взрастит новую жизнь. Отдай мне боль своего прошлого. Я проживу ее вместе с тобой, а потом забуду, разорвав на части и отдав Стихиям».

Скоро Ворон уснул, и я, лежа на его обнаженной груди, прислушивалась к стуку сердца и ровному спокойному дыханию. Что ж, мне тоже нужно было уснуть и окунуться в его кошмар. Я не знала, что именно там увижу, но понимала, что рано или поздно все равно придется. А раз так, то чего тянуть-то?

Погожим зимним деньком Альберт-кристалльчик, радостно насвистывая, шел домой. Легкость танцующих в воздухе снежинок полностью соответствовала настроению полуэльфа. Только что он был у барона, где получил заказ на изготовление Амулета Повиновения. Альберт прикидывал, что полученного аванса как раз хватит на подарки жене и детям. А после получения остальной суммы можно будет перекрыть крышу, раздать долги и вложиться в прибыльное дельце. Наконец-то его жизнь налаживалась, принося заработанные плоды. Занятый радостными мыслями, полуэльф сам не заметил, как подошел к калитке своего дворика. К счастью, тут его вернули в реальность, засветив снежком в лоб.

– Ой, пап! Я нечаянно! – повинился младший сын, открывая перед отцом калитку.

– Он в меня хотел, – на всякий случай поддержал брата старший.

Глянув на притихших детей, Альберт рассмеялся:

– Ух, я вам обоим сейчас!

Закидав визжащую детвору снегом и от души вываляв в сугробах, довольный отец повел их домой.

– Стряхивайте снег на крыльце! Нечего воду в дом носить! – прокричала из кухни жена. – Обед скоро будет готов! Накрывайте на стол!

Что после зимней прогулки может быть лучше вкусного дымящегося супа со свежеспеченным хлебом? Только тихий безмятежный сон.

Уложив детей, родители стали убирать со стола.

– Как прошла встреча с бароном? – спросила жена, собирая тарелки.

– Замечательно. Заказ мой, – Альберт отложил полотенце и нежно обнял супругу. – Теперь у нас все будет хорошо. После этого заказа дела наладятся! Достроимся, рассчитаемся с долгами, отдадим мальчишек в нормальную школу.

– Хорошо бы, – вздохнула жена, нежно прильнув к нему. – Сколько времени уйдет на заказ?

– Если завтра с утра куплю нужные камни и к обеду начну, то к концу недели должен.

– Нам с мальчишками уехать? – на всякий случай спросила жена.

В ответ кристальщик улыбнулся:

– На этот раз не нужно. Я быстро все сделаю.

Как и планировал, утром Альберт уехал на столичный рынок. Лавочку торговца кристаллами он знал очень хорошо: не первый раз закупался. Худенький мужичок в коричневом камзоле отложил книгу и, как всегда, радостно приветствовал полуэльфа:

– Рад видеть! Что, опять заказ себе выбил?

– Приветствую. Да, повезло. Посмотри, что из этого есть.

Протянув торговцу исписанный листок, Альберт облокотился о прилавок. Поправив очки, продавец пробежал по строчкам и скрылся в подсобке. Вернулся он через четверть часа, неся в руках четыре коробочки.

– Проверь, – сказал он, выложив ношу на прилавок.

– Да ладно, чего уж там, – махнул рукой Альберт, вручив продавцу увесистый мешочек. У кристальщика впервые за долгое время было замечательное настроение.

Вернувшись домой, полуэльф заперся в своей мастерской, достал оправу и открыл первую попавшуюся коробочку. Увиденное заставило его досадливо цокнуть: с красного камня Альберт начинать не любил. Самый строптивый, он всегда отнимал много сил, но традиция есть традиция. Глубоко вздохнув, полуэльф сжал камень в ладонях и погрузился в транс. Через два часа укрощенный кристалл был вставлен в оправу. Открыв вторую коробку, Альберт охнул от неожиданности. Она была пустой. Видимо, продавец то ли перепутал чего, то ли потерял камень. Ругая на чем свет стоит свою доверчивость, полуэльф запер мастерскую и помчался обратно в город. К счастью, торговец еще не успел уйти. Искренне извинившись, он подал полуэльфу требуемый кристалл.

Когда Альберт вышел из лавочки, уже вечерело. Кроме того, поднялась сильная метель. Прикинув, что по такой погоде ехать домой опасно, полуэльф решил остаться в столице. Заодно и купить подарки, о которых забыл утром.

За ночь небо расчистилось, выглянуло солнце, радостно заискрив на сугробах. Купив сладостей и кое-какой мелочевки, Альберт в приподнятом настроении покинул город. Но радость его длилась ровно до поворота дороги, от которого был виден дом. Едва зацепив взглядом болтающуюся на одной петле калитку, кристальщик почувствовал ледяные когти страха, сжимающие сердце. Когда же, подбежав ближе, он увидел разбитое окно мастерской и алые пятна на белом снегу, он, забыв все на свете, кинулся к дому.

На крыльце в белой разорванной сорочке, залитой кровью, лежало то, что осталось от его жены. Растерзанный, изувеченный труп. Полуэльф занес его в дом и, уже догадываясь, что увидит, пошел в мастерскую. На полу лежал мячик, а кристалл в оправе все еще полыхал алым

пламенем. Забрав камень, кристальщик вышел за ограду, изучая следы на снегу. Отпечатки четырех ладошек и четырех ножек вели к лесу. Идя по следу, полуэльф вышел на небольшую поляну. В центре он увидел своих детей, остервенело разрывающих заячью тушку. Алое пламя безумия полыхало в их глазах. Дети были во власти камня, но камнем владел подчинивший его. Приведя мальчишек домой, Альберт запер их в подвале и отправился к барону. Ему нужен был амулет, созданный несколько лет назад.

Его сиятельство изволили обедать. Поэтому приняли посетителя не сразу. Не помогли ни уговоры, ни ругательства. Пришлось ждать. Через полчаса Альберт, наконец, предстал перед сыто развалившимся на кресле бароном:

– Ну как, готов мой заказ? – зевнув, спросил он.

– Ваше сиятельство, мне нужен на время *Vaun* амулет защиты от воздействия на разум.

– Это еще зачем? – сыто икнув, спросил барон.

– Мои дети подверглись воздействию злых чар! – дрогнувшим голосом ответил Альберт. – Если колдовство не снять в ближайшее время, они погибнут!

Хозяин дома задумчиво посмотрел на свои пальцы и занялся выкусыванием замеченного заусенца.

– Почему меня должны волновать твои проблемы? – спросил он, сплюнув в сторону. – Ты же кристальщик, сделай себе еще один амулет.

– Я не успею купить нужные камни! – с нотками отчаянья в голосе произнес полуэльф.

Перейдя к следующему пальцу, барон, видимо, чувствительно прикусил его, так как охнул и зло бросил:

– Ничем не могу помочь. Мои сыновья спят и видят, как заставить меня переписать завещание. Я не расстанусь с амулетом ни на секунду. Так что, пошел вон.

В глазах Альберта потемнело от гнева, и из всех возможных зол полуэльф выбрал большее: он решил забрать амулет силой. Повинуясь воле создателя, цепочка начала душить барона. Но кристальщик не учел, что помимо денег хозяин дома заботится и о своей жизни. Мгновенно среагировала прячущаяся охрана, оглушив Альберта.

Его не стали убивать. Лишь заставили смотреть, как солдаты рубят мечами его обезумевших детей. А потом полуэльфа избили и бросили на снег рядом с трупами. Вот так умерла семья Альберта-кристальщика, навсегда оставшись вместе во дворе своего дома, и лишь вороны покинули то место.

Проснувшись в холодном поту, я села на кровати.

– Что, тоже кошмары мучают? – спросил Ворон, садясь рядом и обнимая меня за плечи.

– Вроде того, – попыталась улыбнуться я, с трудом возвращаясь в реальность.

Полуэльф встал и подал мне флягу с водой. После нескольких глотков стало существенно легче. Мое дело было сделано, но я не нашла в себе силы уйти на другую кровать. Когда полуэльф лег рядом, я обняла его и снова положила голову ему на грудь.

– Не бойся, – прошептал он, обняв меня. – Я рядом.

Я почувствовала, что мне действительно удалось то, что хотела. Полуэльфа больше не будет мучить боль прошлого. Сама же я избавлюсь от нее через несколько ночей. Чужую боль пережить проще. Особенно, если есть кто-то рядом. К счастью, остаток ночи я проспала без сновидений.

– Доброе утро! – Ворон нежно поцеловал меня в губы.

– Привет, – ответила я, выбираясь из его объятий.

– Что ж, раз теперь ты моя жена, я имею право знать, какие отношения у вас с королем.

– Как жена?? – я с ужасом уставилась на полуэльфа. Какое-то специфическое у него чувство юмора. Но, похоже, он не шутил. Ибо вполне серьезно ответил:

– По эльфийским законам, добровольная ночь любви по инициативе женщины считается заключением брака. Думал, ты знаешь.

– Откуда? Я чистокровных эльфов только на картинках видела, – я встала и начала одеваться. Как-то не хотелось продолжать столь сложную беседу в голом виде.

Мда, это называется приплыли... Но с другой стороны, мы не в стране эльфов. Застегнув последнюю пуговицу на рубашке, я обернулась и продолжила:

– Слушай, может, не будем торопить события? Мы же едва знаем друг друга.

Ворон сел на кровати, внимательно посмотрев мне в глаза:

– Ты действительно не знаешь ничего об эльфах?

Ой, не понравилась мне это фраза...

– О чем ты?

– У нас будет ребенок.

От этого известия мне стало так плохо, что пришлось сесть на кровать. Вот вам и детские сказочки да братские шуточки...

– Ты же полуэльф... – понадеялась я.

– Если бы мать была человеком, то на меня бы эльфийская природа не действовала, – ответил Ворон, потянувшись за рубашкой. – А что, я тебе не нравлюсь? Мне показалось ты не из тех, кто ложится в постель с кем попало.

Его вопрос натолкнул меня на почти забытую мысль, которую я тут же озвучила:

– А я тебе нравлюсь? Я же вроде дрянь, детоубийца и далее по списку.

– Это все слова, – сказал Ворон, беря штаны. – После того, как попробовал твою кровь, я стал в них сомневаться, а ночью увидел тебя настоящую. Эльфийская наследственность позволяет чувствовать людей. Не зря ты мне сразу понравилась. Так что у вас с королем?

Я не была готова к такой перемене взаимоотношений, поэтому на придумку чего-нибудь просто не хватило сил. Поэтому, вздохнув, я ответила предельно честно:

– Я наставила ему рога и убила его сына. Что у нас может быть?

– Понятно. А что по второму вопросу?

Я честно прислушалась к себе, но обнаружила такое смятение чувств, что беспомощно развела руками:

– Как-то это все неожиданно. Я над этим вопросом не задумывалась.

Ворон усмехнулся:

– Хорошо, я не буду на тебя давить. Если после рождения ребенка ты не захочешь быть со мной, я заберу его и уйду из твоей жизни.

Промолчав, я пошла умываться, думая, что братец был прав. Благие намеренья до добра не доводят. И помощь что людям, что эльфам ничем хорошим не заканчивается. Вот надо было лезть?! Не помер бы он от своих кошмаров. Только орал бы и просыпался в холодном поту по ночам. Эх, а может на стихийников эльфийская природа не действует? Хотя, собственно, чего я переживаю-то? Величество женился, обзавелся потомством – счастлив. Вдруг и я его примеру последую? По крайней мере, попытаться-то можно, раз деваться особо некуда. А Эрла, как только увижу, прибью на месте, чтоб больше не шутил с серьезными вещами!

Бестолково поглядев на обмылок, в который превратился почти целый кусок, я поспешно положила его в мьельницу и смыла с рук обильную пену. Интересно, сколько раз я успела зубы почистить? Один точно – щетка мокрая. Тряхнув головой, чтобы разогнать котовасию мыслей, я закончила с умыванием и вернулась в комнату. Там меня ожидала весьма живописная картина: Ворон зачем-то вывалил на кровать все наши вещи и теперь складывал обратно.

– Ты что делаешь?!

– Носки свои искал, – невозмутимо ответил он.

– В моей сумке?! – прошипела я, убирая с глаз долой непредназначенную для чужого мужского взгляда вещь. Хотя, можно ли теперь считать полуэльфа чужим?

– Именно там они и оказались, – невинно улыбнулся мне Ворон. – Ну что, двинулись?

Закинув поклажу на плечо, я обнаружила, что она стала существенно легче. Мелочь, а приятно. Привычно оглядев напоследок комнату, я вышла следом за Вороном, который уже спускался по лестнице. Мда, любые пути изобилуют сюрпризами, но, похоже, я специально выбираю самые находчивые. Хорошо хоть в походах мне не приходится прокладывать маршруты, а то с моим везением залезли б так, что не вылезешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.